

ВАЛЕРИЙ ЗАМУЛИН КУРСКИЙ ИЗЛОМ

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Главные книги о войне

Валерий Замулин

Курский излом

«Яуза»

2020

УДК 327
ББК 66.4

Замулин В. Н.

Курский излом / В. Н. Замулин — «Яуза», 2020 — (Главные книги о войне)

ISBN 978-5-04-110602-7

«Курский излом» – одна из наиболее значимых книг по истории переломного этапа Великой Отечественной войны в серии работ известного отечественного исследователя Курской битвы, кандидата исторических наук В.Н. Замулина. Основываясь на широкой базе не публиковавшихся ранее документов вермахта и Красной Армии, автор проводит комплексный анализ подготовки Воронежского фронта к летней кампании 1943 г. на обоянско-прохоровском направлении, и детально восстанавливает ход боев в южной части Курской дуги с 4 по 9 июля 1943 г. в полосе наступления главных сил германской группы армий «Юг» – 4-й танковой армии. Это подробнейшая, по дням и часам, хроника первого, самого трудного этапа Курской оборонительной операции, в ходе которого войскам 6-й гвардейской и 1-й танковой армий, а также резервам Ставки ВГК ценой колоссального напряжения сил удалось переломить ход боевых действий на направлении главного удара противника и тем самым внести основной вклад в срыв плана «Цитадель», предусматривавшего разгром группировки войск двух советских фронтов под Курском общей численностью более миллиона человек.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-04-110602-7

© Замулин В. Н., 2020

© Яуза, 2020

Содержание

К читателю	7
Глава 1. Планы на лето	13
1.1. Большие желания при скудных возможностях	13
1.2. «Главное – выбить их танки на подготовленных рубежах!»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Валерий Замулин

Курский излом

© Замулин В.Н., 2020

© ООО «Издательство «Яуза», 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается светлой памяти моего дедушки Фомы Тарасовича Замулина, младшего сержанта, командира отделения противотанковых ружей 155-й танковой бригады 20-го танкового корпуса, погибшего в боях за свободу и независимость нашей Родины

К читателю

Летом 1943 г. в центре европейской части СССР в районах двух древних городов, Белгорода и Орла, развернулись боевые действия, вошедшие во всемирную военную историю под названием битва на Курской дуге. Она стала одной из самых крупных по масштабу и не имевших себе равных по ожесточенности в истории человечества. Безусловная победа в ней Красной Армии никогда не вызывала сомнения и признана обеими противоборствующими сторонами, а ее значение в разгроме фашизма трудно переоценить. После ее завершения боевые части вермахта были настолько обескровлены, а боевой дух личного состава столь низким, что вплоть до мая 1945 г. германское командование оказалось не в состоянии провести на советско-германском фронте ни одной стратегической наступательной операции.

Однако как ни парадоксально это звучит, но в стране, где произошло это грандиозное событие, на протяжении более чем полувека с момента его завершения так и не была написана его подробная, а главное, объективная история. Долгие годы событие под Курском, как, впрочем, и вся минувшая война в целом, являлось лишь темой для пропаганды коммунистических идей и вклада КПСС/ВКП(б) в разгром нацизма. Поэтому отечественные историки должны были не изучать ее как важное событие прошлого страны, т. е. систематизировать приобретенный опыт, акцентировать внимания на ее действительно выдающиеся результаты, а лишь выстраивать примитивные схемы боевых действий, превозносить *«крепость советского общественного строя»* и подчеркивать *«особую организующую роль коммунистической партии в борьбе с захватчиками»*.

Битва на Огненной дуге состояла из двух этапов. Первый – это Курская оборонительная операция Центрального и Воронежского фронтов, в ходе которой наиболее масштабные и кровопролитные бои развернулись на юге. Здесь она проводилась дольше, чем на севере, с 5 по 23 июля 1943 г., и, несмотря на длительный период ее подготовки и в общем успешное завершение, назвать ее образцовой было нельзя. В ходе ее проведения советским командованием, и на стратегическом, и на оперативно-тактическом уровне, было допущено ряд крупных просчетов и ошибок, в результате которых войска понесли большие, порою неоправданные потери. Отмечались случаи, когда старшие офицеры и генералы, в том числе и командиры крупных танковых соединений, сознательно допускали нарушение воинской дисциплины, под благовидным предлогом игнорировали приказы даже командующего фронтом, что способствовало продвижению противника вперед и срывало замысел оборонительной операции всего фронта. Чтобы скрыть эти негативные моменты и показать лишь «одну сторону медали», после войны цензурными органами выхолащивались до неузнаваемости мемуары полководцев и военачальников, засекречивались на десятилетия огромные пласты документов, тем самым вычеркивались из народной памяти дни и ночи напряженнейшего противостояния, примеры самопожертвования и стойкости десятков тысяч советских красноармейцев и командиров.

При этом параллельно из мифов создавалась история битвы, наполненная абсурдными легендами о табунах «тигров», «пантер» и «фердинандов», рыскавших по всему Курскому выступу, и многотысячных танковых батальях в местах, где полсотни боевых машин не могли развернуться в линию, не говоря о поединке тысяч бронеединиц, которые якобы сошлись «в рукопашной схватке». А для того, чтобы вымысел выглядел правдоподобно, горстка «проверенных» историков, допущенных к определенному уровню первоисточников – отчетным документам армий и фронтов Красной Армии, для этих выдумок писала похожий на правду исторический фон.

«Холодная война», начавшаяся сразу же после разгрома Германии, наложила свой негативный отпечаток и на то, как писалась история Курской битвы на Западе. Здесь тоже разрабатывали свою, не хитрую и, по сути, очень похожую схему. С той лишь разницей, что книги,

выпущенные на Западе, должны были прославлять профессионализм и мастерство солдат и офицеров вермахта, которым «полоумный ефрейтор» не позволил реализовать свой высокий потенциал и добиться поставленной цели. Хотя следует подчеркнуть, что благодаря открывшемуся в конце 1950-х г. доступу к архивным документам вермахта уровень отдельных трудов западных исследователей, например Э. Клинка¹, был довольно высок. Тем не менее, в большей части книг западных исследователей хотя и признавался очевидный факт – победа Красной Армии под Курском, но акцент делался не на анализ общих крупных проблем и их решение, а на недостатки именно советских войск, которые в Советском Союзе старались не афишировать: высокие потери, ошибки и просчеты командования, отставание советской стороны в техническом отношении, прежде всего низкие боевые качества нашей бронетехники, и слабую подготовку командиров тактического звена.

С начала 1950-х г. западные издательства, особенно в ФРГ и Англии, начали выпускать воспоминания полководцев и военачальников третьего рейха фельдмаршала Э. фон Манштейна, генералов Г. Гудериана, Ф. фон Меллентина и других, а также книги по истории боевого пути воинских соединений, в том числе дивизий СС, которые принимали непосредственное участие в Курской битве. Информацию из этих книг, цитаты и идеи их авторов, а также данные из документов вермахта широко использовались зарубежными историками в своих монографиях, что было важно в первую очередь для читателя. Так как книгам, в которых приводятся выдержки из трудов, исторические персонажи, принимавшие весной и летом 1943 г. ключевые решения, и те, кто был как-то причастен к их выработке и претворению в жизнь, придавался образ фундаментального, научного труда, это вызывало большее к ним доверие. Хотя значительное число подобных фолиантов грешили субъективизмом и были полны разного рода ошибок и вымыслов.

В результате за минувшие 76 лет появились две очень обширные, но совершенно разные по сути историографии одной и той же битвы. Причем обе как при оценке принимавшихся немецким и советским командованием решений, так и при описании ряда ключевых моментов были далеки от научного подхода. А отдельные эпизоды настолько мифологизированы, что и сегодня, даже при наличии документальных источников, трудно разобраться в том, как в действительности все происходило.

Увы, но даже после исчезновения Советского Союза с карты мира и снятия цензурных ограничений, попытка некоторых отечественных исследователей, в том числе профессиональных военных, провести объективный и подробный анализ событий лета 1943 г. успехом не увенчалась. Столкнувшись с большими трудностями, они или прекратили разработку этой тематики, или ограничились публикацией касающихся менее значительных вопросов отдельных сражений, потерь бронетехники и т. д.

Работа зарубежных исследователей по изучению Курской битвы, для которых, как бы тщательно они ее ни анализировали, она так и останется историей чужой страны, с одной стороны, и отсутствие интереса к ней представителей российской исторической науки, – с другой, привели меня к мысли провести исследование событий под Курском сразу на двух базах документов – войск Красной Армии и вермахта.

«Курский излом» – первая работа из этой серии. Она посвящена подготовке войск Воронежского фронта к Курской битве, реконструкции и анализу первого этапа его оборонительной операции 4–9 июля 1943 г. в полосе наступления ударного объединения Манштейна – 4-й танковой армии генерал-полковника Г. Гота (обоянское и прохоровское направления). Вместе с тем, в ней прослеживается влияние неудачно развивавшихся для немцев боевых действий армейской группы «Кемпф» и на результаты боевой работы 2 тк СС 4 ТА, и на общий ход наступления армии Гота.

¹ Klink E. Das Gesetz des Handelns. Die Operation «Zitadelle» 1943. Stuttgart, 1966. – 356 s.

Выбор темы не был случайным. Первые шесть суток Курской оборонительной операции для Воронежского фронта генерала армии Н.Ф. Ватутина были наиболее сложными и напряженными из всех пятидесяти суток Курской битвы. Ставкой ВГК был допущен просчет в определении района нанесения главного удара противником. «...Ставка и Генштаб считали, – вспоминал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, – что наиболее сильную группировку противник создает в районе Орла для действий против Центрального фронта. На самом деле более сильной оказалась группировка против Воронежского фронта»². В связи с этим в распоряжение Центрального фронта были переданы значительно большие силы артиллерии, чем на Воронежский. Ошибка с определением места сосредоточения главных сил вермахта в районе Курской дуги существенным образом повлияла на ход боев и привела к тяжелым последствиям. Фактически, все крупные решения, принимавшиеся Ставкой сразу после начала операции «Цитадель» и до 13 июля 1943 г. (переброска в полосу фронта Ватутина двух танковых корпусов, затем армий), по сути это ее исправление.

С 5 по 9 июля 1943 г. соединения Гота прорывали две наиболее укрепленных армейских оборонительных полосы, нанесли советским войскам существенный урон в живой силе и бронетехнике, особенно соединениям 6 гв. А и 1 ТА. К концу этого периода начали проявляться признаки перенапряжения их личного состава, Н.Ф. Ватутин был вынужден задействовать не только все подготовленные резервы, но и перебросить в полосу 1 ТА значительное число отдельных полков, бригад и даже дивизий с участков других армий, главные силы которых не участвовали в отражении наступления ГА «Юг». 9 июля опасность прорыва обороны фронта на обоянском направлении на всю глубину была велика как никогда, тем не менее именно в этот момент произошел резкий поворот. Невероятными усилиями, благодаря мужеству, исключительной стойкости, во многом жертвенности красноармейцев и командиров 4 ТА была не только остановлена, сорван план по стремительному окружению войск Воронежского и Центрального фронтов в Курском выступе, но и кардинально изменилась сама ситуация. С этого момента советское командование перехватило инициативу и заставило противника действовать по своему плану. Несомненный успех этого этапа заложил основу для победоносного завершения Курской оборонительной операции в целом.

В основе книги лежит сравнительный анализ трех групп источников. Первую составили трофейные документы: приказы, донесения 4 ТА, утренние, дневные и вечерние сводки танковых, пехотных и моторизованных дивизий (их полков и бригад) двух танковых корпусов армии Гота с 4 по 15 июля 1943 г., а также журналы боевых действий 48 тк 2 тк СС с приложением и их дивизий за тот же период. Все эти материалы, за исключением ряда документов корпуса СС, ранее не публиковались в нашей стране и не использовались комплексно отечественными историками. Они были обнаружены и закуплены мной во время работы в Национальном архиве США в Вашингтоне (NARA USA) и Федеральном архиве ФРГ во Фрайбурге (Bundesarchiv).

Вторую группу, более значительную по объему и разнообразную по номенклатуре, составили материалы, недавно рассекреченные ЦАМО РФ. Это приказы и оперативные директивы командующего Воронежским фронтом, распоряжения его штаба и управлений, командующих БТ и МВ и артиллерией, начальника инженерных войск, боевые приказы, донесения, сводки, планы операций и отчеты всех армий, стрелковых, танковых и механизированных корпусов, дивизий, бригад, стрелковых, танковых и истребительно-противотанковых полков. Кроме того, сюда же вошли и материалы армейской и фронтовой разведки, трофейные документы, захваченные при разгроме ряда немецких частей и соединений, в частности приказы и распоряжения 167 пд 4 ТА, двух ее пехотных полков и описание наступления 19 тд АГ «Кемпф», составленное ее штабом, и т. д.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М. Олма – Пресс, 2002. С. 147.

Третья группа источников – это воспоминания очевидцев и участников тех событий, солдат и командиров Красной армии и вермахта. Они не просто несут колорит той эпохи, наполняют сухие строки документов жизнью, но часто как свидетели помогают уточнить документальный источник и объяснить причину того, почему вкралась та или иная ошибка или неточность. Часть этих материалов хранится в моем личном архиве, их удалось собрать во время многочисленных встреч и общения с ветеранами 6 гв., 5 гв., 69 А, 1 ТА и 5 гв. ТА.

Одной из главных целей исследования стала реконструкция боевых действий, но она не самоцель. Знание в деталях того, как развивалось наступление ударной группировки ГА «Юг» на главном направлении, и того, как ей противостояли войска Воронежского фронта, позволяет, во-первых, наглядно представить, отвечали ли реалиям войны, сложившимся к июлю 1943 г., план «Цитадели» и уровень подготовки германских войск, выделенных для достижения его амбициозных целей, а во-вторых, понять, насколько точен оказался прогноз Ставки ВГК и руководства Воронежского фронта в отношении замыслов Берлина, в чем заключались сильные и слабые стороны плана Курской оборонительной операции и в какой мере удалось его реализовать. Поэтому в книге уделено особое внимание как узловым моментам начального периода битвы: прорыву корпусами 4 ТА первой армейской полосы, причинам стремительного выхода корпуса СС на прохоровское направление, оценке вклада 1-й танковой армии генерал-лейтенанта М.Е. Катукова в удержание второго армейского рубежа, событиям, повлиявшим на решение Н.Ф. Ватутина провести контрудар 8 июля, процессу реализации этого замысла и его результатам, так и не столь масштабным, но оттого не менее значимым эпизодам, ранее неизвестным российскому читателю или подробно не освещавшимся в открытой печати. В первую очередь это касается боевых действий в полосе 22 гв. стрелкового корпуса 6 гв. А 4–6 июля 1943 г., успешная оборона на этом участке оказала существенное влияние на провал операции «Цитадель». Уже при первых боестолкновениях в ходе захвата позиций боевого охранения и передовых отрядов 67 гв. и 71 гв. сд на правом крыле 6 гв. А войска Гота ощутили всю мощь обороны Воронежского фронта и силу духа его армий. Благодаря мужеству красноармейцев и командиров этих гвардейских дивизий и умелым действиям советского командования, уже в первые двое суток при защите сел Коровино, Черкасское и удержании района между первым и вторыми армейскими оборонительными полосами график наступления 48 тк, наиболее сильного подвижного соединения 4 ТА оказался полностью сорван, а его дивизиям и бригаде «пантер» нанесен существенный урон. В книге также впервые, на документальном материале, рассказано об одном из трагических эпизодов Курской битвы – окружении 6 июля частей 67 гв. и 52 гв. сд в пойме рек Ворсклы и Ворсклицы и их выход из кольца.

Учитывая, что значительный массив подлинных советских источников, использованных в книге, вводится в научный оборот впервые, а трофейный материал до недавнего времени был доступен лишь западным исследователям и в нашей стране не публиковался, я привожу значительные выдержки из документов, касающиеся не только важных или интересных моментов операции, но и излагающие хронологию боев на отдельных участках. Подобный подход позволяет читателю не только принять на веру мнение автора, но и, знакомясь с первоисточниками, лежащими в основе исследования, самому оценить достоверность и полноту сделанных им выводов. Кроме того, цитаты из оперативных документов помогают ощутить остроту и драматизм обстановки, почувствовать эмоциональный накал участников событий.

Сегодня приходится лишь сожалеть, что столь продолжительное время этот ценнейший пласт истории нашего Отечества был упрятан в спецхранилищах и не был доступен широкому читателю, в том числе и ныне покойным ветеранам Курской битвы. Ведь многие из них, опираясь на эти источники, могли бы значительно дополнить и расширить наши знания и представления о том страшном и героическом времени.

Анализ процесса подготовки противоборствующих сторон к летним боям показал, что для объективного исследования необходимо детально изучить и такую важную тему, как созда-

ние системы армейских оборонительных полос Воронежского фронта, которая создавалась со второй половины апреля и до начала июня 1943 г. К началу боевых действий, по уровню укрепления, насыщенности инженерными сооружениями и заграждениями, она не имела себе равных и была фундаментом всего плана Курской оборонительной операции. Я постарался рассказать о ней таким образом, чтобы читатель мог и разобраться в общей структуре оборонительных полос, и в то же время понять их особенности, сильные и слабые стороны. Значительно более подробно описана оборона 6 гв. А генерал-лейтенанта И.М. Чистякова, позиции войск обеих ее корпусов находились в полосе наступления армии Гота. В главе, посвященной этой теме, впервые приводятся численность и точные места расположения постов боевого охранения и передовых отрядов всех четырех дивизий первого эшелона, а также дан развернутый анализ боевых действий при захвате их позиций противником 4 июля 1943 г., которые стали прологом к началу Курской битвы.

Еще одному крупному вопросу в подготовке войск Воронежского фронта к отражению удара вермахта я уделил особое внимание – состоянию его войск. На основе актов проверок штаба фронта и управлений укомплектования дается оценка уровню подготовки и укомплектованности ряда соединений перед началом летних боев. Думаю, что особый интерес у читателя вызовут впервые приведенные в открытой печати развернутые данные о численности бронетанковых войск Воронежского фронта на 4 июля 1943 г., количестве находившихся в строю и в ремонте боевых машин по каждому корпусу, бригаде и полку. Важную роль в поддержании боеготовности бронетанковых войск играли подготовка и уровень технического оснащения их ремонтных подразделений. Этой стороне боевой работы, проблемам и тому, насколько эффективно они решались, в книге также уделено значительное внимание.

Существенное место в книге занимает тема личности генерала армии Н.Ф. Ватутина, к которой в последнее время все чаще обращаются и историки, и прозаики. В связи с этим особый интерес представляют ряд ранее секретных источников из фондов штаба Воронежского фронта и его управлений, приведенных в книге. В том числе стенограммы его переговоров с командованием армиями, корпусами и рядом ответственных командиров, а также итоги расследований чрезвычайных происшествий, случаев неправильного использования крупных танковых соединений при отражении ударов противника. Эти материалы позволяют изнутри проследить, как функционировал огромный фронтовой механизм управления войсками, во главе которого он стоял, и насколько эффективно была отлажена работа по обеспечению достижения главной цели, поставленной перед его руководством И.В. Сталиным на первом этапе операции: удержать врага в системе трех армейских оборонительных полос и обескровить его танковые соединения. Вместе с тем приведенные документы раскрывают подлинную роль Н.Ф. Ватутина в решении этой сложнейшей задачи, дают возможность оценить новые грани его таланта и мастерство полководца. Не обошлось и без ошибок, причем ряд из них достаточно серьезные, повлекших значительные потери, были допущены лично командующим фронтом. О них в книге тоже идет откровенный разговор. Я попытался разобраться не только в просчетах Н.Ф. Ватутина, но и выявить причины и факторы, влиявшие на принятие ошибочных решений, а также высказал собственное мнение об ответственности за неудачи, постигшие в этот период советские войска, и других генералов, в частности командующего 6 гв. А И.М. Чистякова, командиров танковых корпусов А.Ф. Попова и В.Г. Буркова.

Безусловно, эта книга не поставит окончательную точку в исследованиях столь масштабных событий. В их истории остаются еще немало нерешенных проблем и белых пятен, которые ждут своих исследователей. Я попытался лишь обозначить общий контур первого этапа Курской оборонительной операции Воронежского фронта на направлении главного удара ГА «Юг» и высказать свое мнение по ряду важных вопросов, которое сформировалось при изучении обнаруженных документов и в беседах с участниками битвы. Считаю, что мы должны не только помнить совершенный дедами и прадедами великий подвиг, чтить их боевую доблесть

и ратный труд, но и глубоко изучать наше прошлое и честно, без эпатажа и словесной шелухи говорить о нем.

Выражаю искреннюю признательность ректору Юго-Западного государственного университета (г. Курск) доктору технических наук, профессору Сергею Геннадьевичу Емельянову за всестороннюю помощь и поддержку моих научных исследований.

Особо хочу отметить вклад в очень трудоемкую техническую работу над книгой и поблагодарить за большую товарищескую помощь по переводу собранного трофейного материала замечательного ученого, доктора биологических наук Алексея Борисовича Шевелева и человека, посвятившего себя делу сохранения памяти о подвиге воинов Красной Армии в борьбе с фашизмом, гражданина ФРГ исследователя Алексея Владимировича Кислицына.

Надеюсь, что эта работа, так же как и прежние издания, будет с интересом принята широкой читательской аудиторией. Тем, кто захочет поделиться впечатлениями о ней, уточнить детали или задать вопрос, предлагаю писать на мой почтовый ящик в интернете по адресу: valery-zamulin@yandex.ru. Буду рад неравнодушным собеседникам.

Валерий Замулин, 3 августа 2019 г.

Глава 1. Планы на лето

1.1. Большие желания при скудных возможностях

«Операция „Цитадель“, в отличие от многих других акций диктатора „Третьего рейха“, не была плодом внезапного импульсивного решения, – пишет американский исследователь Мартин Кэйдin. – Она складывалась постепенно. Она родилась из поражения, из уязвленного самолюбия и досады, которые поражения неизбежно вызывали у Гитлера. И не будем заблуждаться относительно автора плана – его инициатором с самого начала был Гитлер. Все последующие события, в которых участвовали высшие офицеры и чиновники рейха, произошли в результате желаний и замыслов Гитлера.

Никто лучше Гитлера, как верховного главнокомандующего вооруженными силами Германии, не знал, что рейх отчаянно нуждается в блестящей победе германского оружия над восточными „варварами“. В феврале 1943 г. русские обрели новый облик самого грозного и беспощадного врага нацистской Германии. Одержанные после вторжения в Россию 22 июня 1941 года победы поблекли. Ликование сменилось сдержанностью, затем настороженностью, переросло в тревогу, граничащую с паранойей. Ибо кошмар Сталинграда был слишком реален. Поражение, которое русские нанесли отборным немецким армиям, было мрачным предзнаменованием будущего.

Приближалось лето 1943 года, и Гитлер потребовал от своих войск „возместить летом то, что было потеряно зимой“»³.

План наступления с целью срезать «Курский балкон», как немцы называли глубокий изгиб линии фронта западнее Курска, появившийся в ходе февральско-мартовских боев 1943 г. (имея в виду его нависание над флангами обеих групп армий «Юг» и «Центр»), прошел длинный и извилистый путь по коридорам высшей государственной власти рейха и военным штабам Летцена⁴, Растенбурга⁵ и Берлина от первых общих намерений к четко сформулированному лаконичным языком приказу на осуществление операции, получившей кодовое название «Цитадель» и ставшей последним стратегическим наступлением вермахта на Восточном фронте в период Второй мировой войны.

Обсуждение и выработку общего замысла летней кампании Берлин начал в феврале 1943 г. Бывший начальник штаба ГА «Юг» генерал пехоты Т. Буссе утверждал, что в это время все – и Гитлер, и ОКХ, и командующие группами, и даже командующие армиями – считали 1943 год последним, когда Германия будет вести активные боевые действия лишь с Советским Союзом. Это была очень серьезная угроза. Поэтому разделяли желание Гитлера во что бы то ни стало перехватить инициативу на Восточном фронте⁶ с целью развязать себе руки для отражения возможного удара в Европе. Как вспоминал Э. фон Манштейн, различие было лишь в способах решения этой задачи: ждать сразу после завершения распутицы общего наступления Красной Армии, чтобы сорвать его, нанеся ее войскам большие потери, а затем перейти в контрнаступление или ударить первыми⁷. Проводившийся ОКХ с февраля и до начала марта интенсивный анализ оперативной обстановки, собственных возможностей и разведанных о

³ От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. М., Политиздат, 1992. С. 298, 299.

⁴ В городе Летцене располагалась штаб-квартира главного командования сухопутных войск Германии.

⁵ В районе этого городка находилась ставка Гитлера.

⁶ Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. М., Яуза, 2007. С. 24.

⁷ Манштейн Э. фон. Утерянные победы. Смоленск, Вече, 2016. С. 473.

состоянии Красной Армии все больше приводил к выводу, что наиболее благоприятные условия для наступательной операции складываются в районе Курска.

В начале марта контрудар войск ГА «Юг» на Украине развивался успешно, благодаря этому оперативная обстановка юго-западнее советско-германского фронта для вермахта резко изменилась в лучшую сторону, но таяние снегов началось раньше обычного, уже к середине марта дороги стали труднопроходимыми. Поэтому для германского командования становилось все очевиднее, что после достижения ближайшей цели – захвата Харькова и, возможно, Белгорода – масштабные боевые действия прекратятся и придется переходить к планированию дальнейших операций уже на период после завершения распутицы. 8 марта командующий ГА «Юг» фельдмаршал Э. фон Манштейн первым из военачальников рейха предложил провести наступательную операцию, результатом которой должен был стать захват района южнее и юго-западнее Курска, но не самого города. По его мнению, для ее реализации следовало привлечь войска ГА «Юг» и часть сил ГА «Центр» – 2-й А, фронт обороны которой в это время проходил по центру и юго-западной части Курской дуги. Суть замысла фельдмаршала заключалась в срезе не всей дуги, а только половины, т. е. ее южной части. Возникает вопрос: а когда же и кем была предложена идея, положенная в основу плана «Цитадель», – ликвидация всего выступа?

10 марта 1943 г. у фельдмаршала Г. фон Клюге, командующего ГА «Центр», состоялся телефонный разговор с генерал-полковником Р. Шмидтом, командующим 2-й ТА, входившей в его группу и удерживавшей участок южнее Орла. В это время между правым флагом 2-й ТА и левым – 2-й А образовался существенный разрыв, через который войска Центрального фронта вышли к р. Десна. Фельдмаршал приказал генералу сильным ударом закрыть брешь, причем сделать это до наступления распутицы. В помощь ему Г. фон Клюге был готов привлечь силы 9-й А, только что вышедшей из «Ржевского выступа». Он планировал, что ее войска, развернувшись южнее Орла, прикроют левый фланг ударной группировки 2-й ТА и скуют силы Центрального и частично Брянского фронтов, которые могли помешать армии Шмидта выполнить задачу. После этого разговора генерал-полковник подготовил письменный доклад Г. фон Клюге, в котором и была впервые выдвинута идея окружения советских войск в районе Курска. *«Шмидт предположил, – пишет немецкий историк Р. Теппель, – что было бы разумно „создать более сильную оперативную группу для удара из района южнее Орла в направлении Курска во взаимодействии с другой группой, двигающейся из района Харькова в северном направлении“. Этот план в точности повторял план операции „Цитадель“. Тем самым именно Шмидт был автором плана операции. Это подтверждает и реакция Клюге, который поздним вечером 10 марта позвонил Шмидту и заявил: „Должен сказать, что в вашем ходе мыслей что-то есть“. Тем не менее 9-я А будет все-таки переброшена, сказал далее Клюге, но без спешки»*⁸.

13 марта во время совещания Гитлера с командным составом ГА «Центр» Р. Шмидт изложил ему свою идею. Предложение понравилось, и в этот же день фюрер подписал оперативный приказ № 5, в котором давались общие указания по ведению боевых действий на Востоке в ближайшее время. Этот документ достаточно противоречив. Его краеугольным камнем являлась идея перехвата инициативы у русских, и одновременно в нем еще присутствовала «тень Сталинграда»: *«Следует ожидать, что русские после окончания зимы и весенней распутицы, создав запасы материальных средств и пополнив частично свои соединения людьми, возобновят наступление. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы по возможности упредить их в наступлении в отдельных местах с целью навязать, хотя бы на одном из участков фронта, свою волю, как это в настоящее время имеет место на фронте ГА „Юг“.* На

⁸ Toppel R. Kursk 1943. Die groeste Schlacht des Zweiten Weltkriegs. Paderborn, 2017. S. 22, 23.

остальных участках задача сводится к обескровливанию наступающего противника. Здесь мы заблаговременно должны создать прочную оборону»⁹.

Как видим, о разгроме Красной Армии и победоносном окончании войны речь уже не шла, вопрос стоял лишь о стабилизации фронта, который последние полтора месяца стремительно катился к границам рейха. Тем не менее в этот момент руководство Германии по-прежнему переоценивало свои возможности и недооценивало растущий потенциал Советского Союза, т. к. в приказе сразу трем группам армий «Север», «Центр» и «Юг» предписывалось провести наступательные операции с глубокими задачами, лишь ГА «А» должна была удерживать кубанский плацдарм и *«высвободить силы для других фронтов»*. Э. фон Манштейн получил приказ *«приступить к формированию достаточно боеспособной танковой армии, сосредоточение которой должно было закончиться к середине апреля, с тем чтобы по окончании весенней распутицы перейти в наступление»*, а Г. фон Клюге – *«создать ударную группировку, которую использовать для наступления во взаимодействии с войсками северного крыла ГА „Юг“»*. Необходимые для этого силы ГА «Центр» предстояло получить, сократив линии фронта и отведя войска 4-й и 9-й армий из района Вязьмы на запад (на позицию «Буйвол»).

Всю весну 1943 г. в руководстве Германии шли напряженное обсуждение и споры о том, как вести дальше войну. Причем с каждым месяцем чувствовалось, что острота потерь конца 1942–начала 1943 г. притуплялась и возрастали авантюристические тенденции как в оценке собственного потенциала, так и в возможностях СССР. В этих спорах вопрос о целесообразности наступления на Курск был ключевым. Еще до него Гитлер предполагал провести минимум две частные операции «Ястреб» и «Пантера» в районе Харькова и даже отдал приказ об их подготовке, но против выступили практически все ключевые фигуры вермахта, даже руководству ОКХ было непонятно, зачем их проводить в условиях жесткого дефицита сил и средств в преддверии такого масштабного наступления.

Командование ГА «Юг» в это время поддерживало идею удара на Курск, хотя ее силы были на пределе. В ходе наступления оно рассчитывало, как и в 1942 г., не только перехватить инициативу у советской стороны, но и решить ряд важных текущих проблем, стоящих перед ее войсками. В случае ликвидации «балкона» протяженность фронта могла уменьшиться более чем на 200 км, что позволяло высвободить значительное количество войск, а значит, уплотнить рубежи и создать определенные резервы для ведения активной обороны, к которой, по его мнению, вермахт будет вынужден перейти в ближайшие месяцы. В то же время Э. фон Манштейн, как и большинство генералов, считал, что желание Гитлера провести операции в районе Харькова далеки от возможностей и вермахта, и его группы. В полдень по берлинскому времени¹⁰ 22 марта начальник штаба ОКХ генерал К. Цейтцлер позвонил Э. фон Манштейну, чтобы обсудить ход выполнения приказа № 5, во время этого разговора фельдмаршал однозначно выразил свое отношение к «Ястребу»: *«Я против этой операции. Обоснование:... замерзший Донец, дорожные условия и состояние частей. Если фюрер настаивает на операции, мы должны немедленно выпустить приказ»¹¹*. Начальник штаба ОКХ тоже высказался без обиняков: *«Я имею точно такую же точку зрения, как и господин фельдмаршал. Распоряжение из Оберзальцберга, однако, пришло в ультимативной форме. Я стою перед принятым решением»¹²*. Однако в своей телеграмме от 22 марта фельдмаршал был не столь категоричен, он не стал открыто спорить, а обратил внимание Гитлера в первую очередь на главную объективную проблему – несоответствие имеющихся сил поставленным задачам, вероятно, не без

⁹ Курская битва / Под ред. И.В. Пароткина. М., Наука, 1970. С. 505.

¹⁰ В это время разница между московским и берлинским временем была +1 час.

¹¹ Anlagen zum Kriegstagebuch (KTB) Nr. 1 der Heeresgruppe Don/Süd, Ferngespräche (Gespräche des Oberbefehlshabers). Band 2: 4.2–23.3.1943. Bundesarchiv. Abteilung Militärarchiv. Freiburg im Breisgau (BArch-MA). RH 19 VI/43. Bl. 45.

¹² Anlagen zum Kriegstagebuch (KTB) Nr. 1 der Heeresgruppe Don/Süd, Ferngespräche (Gespräche des Oberbefehlshabers). Band 2: 4.2–23.3.1943. Bundesarchiv. Abteilung Militärarchiv. Freiburg im Breisgau (BArch-MA). RH 19 VI/43. Bl. 45.

основания полагая, что она остудит его пыл. Ситуация в полосе группы Манштейна была очень сложной. В этом же документе он писал: *«Силы группы армий недостаточны для решения поставленных перед ней задач – жесткой обороны всего фронта от Таганрога до Белгорода, равного 650 км, и формирования танковой армии для использования в северном направлении, т. е. за пределами полосы действий ГА „Юг“»*.

На участке 6-й А на одну дивизию приходится 20 км, а на участке 1-й ТА и АГ Кемпфа – 30 км, причем все пехотные дивизии использованы на оборонительном фронте. Такая плотность не позволяет считать оборону надежно обеспеченной даже при наличии водного рубежа и подвижных резервов в виде двух танковых корпусов: одного для восточного и одного для северного фланга. Если для обороны использовать хотя бы всего 5 танковых и моторизованных дивизий, то для наступательных действий останется лишь 8 подвижных соединений, причем данной армии не будет выделено ни одной пехотной дивизии.

Вынужден указать на то, что ГА „Юг“ при протяженности своего фронта в 650 км располагает лишь 24 пехотными и 13 танковыми и моторизованными дивизиями, в то время как ГА „Центр“ при протяженности фронта 1250 км имеет 69 пехотных и 13 танковых и моторизованных дивизий»¹³.

Реакции из штаб-квартиры фюрера на эти доводы не последовало, а 28 марта поступило новое сообщение, еще больше осложнившее жизнь Э. фон Манштейна. Гитлер принял решение удержать Кубанский плацдарм (Новороссийск), т. е. активными действиями относительно небольшой группировки сковать весь Северо-Кавказский фронт, чтобы не допустить переброски отсюда советских войск в район Курска. С этой целью на Таманском полуострове 17–24 апреля 1943 г. было запланировано проведение операции «Нептун» для уничтожения плацдарма в районе Мысхако (больше известного как «Малая земля»). В результате этого нового решения фельдмаршал лишился обещанных ему для «Цитадели» около 10 пехотных дивизий из ГА «А». Теперь на усиление его группы предполагалось передать лишь две.

Разработка операций «Ястреб» и «Пантера», а также оценка влияния их возможных результатов на дальнейший ход боевых действий на Востоке шли не в узком кругу, к их обсуждению были привлечены штабы всех армий ГА «Юг». К концу марта и в первых числах апреля эти структуры представили свои соображения в письменном виде. Во всех документах красной линией проходила мысль о том, что их руководство не разделяет идею предварительных ударов, считая ее недопустимым распылением сил перед наступлением на Курск. Наиболее подробным и содержащим анализ обстановки было донесение командующего 4-й ТА генерал-полковника Г. Гота. В нем отмечалось, что по данным разведки в этом районе находятся значительные силы бронетехники русских, поэтому для достижения цели обеих операций потребуется задействовать главную ударную силу группы – все танковые и моторизованные дивизии. И при этом нет никаких гарантий, что удастся выполнить задачи в полном объеме. Из журнала боевых действий ГА «Юг»: *«Поступили предложения по проведению операции „Пантера“ от 4-й ТА. Армия, на основании разведки, проведенной по фронту АГ Кемпфа, оценивает распределение вражеских танковых частей следующим образом: 2 танковых корпуса – у Купянска, 3 танковых и 1 механический корпус – севернее Купянска, 2 танковых корпуса – в районе севернее Белгорода.*

На основании этой оценки противника и сравнивая с этим факт наличия для нашего наступления только пяти танковых и четырех пехотных дивизий, армия считает операционный план „Пантера“ невыполнимым. Необходимо ограничить линию цели операции линией: Купянск – Ивановка – Алексеевка – Печенеги – Донец. Тут нужен удар двух танковых корпусов (с приданием им по одной дополнительной пехотной дивизии для переправы) сильно концентрированным клином в направлении Купянска для уничтожения там базирующихся танко-

¹³ Klink E. Das Gesetz des Handelns. Die Operation «Zitadelle» 1943. Stuttgart, 1966. S. 280–283.

вых частей. Прикрытие северного и южного флангов осуществляет с каждой стороны по 1, а позже по 2 пехотные дивизии. При дальнейшем развитии операции есть вероятность необходимости разворота северного корпуса на север для обороны от русских танковых частей, проводящих контрудар из района Валуйки, пока южный корпус вместе с двумя пехотными дивизиями выступает на уничтожение противника между Донцом и Осколом в направлении Балаклея – Изюм. Армия не считает, что проведение операции может дать решающий успех. Цели, поставленные перед наступлением – уничтожение вражеских резервных корпусов, – не могут быть достигнуты, поскольку эти силы находятся вне оперативного поля операции. Наоборот, занятие линии Купянск – Печенеги приведет к контрнаступлению противника. На его отражение будет необходимо потратить дополнительные силы»¹⁴.

В то же время генерал-полковник подчеркивал, что невозможно спрогнозировать, в каком состоянии войска выйдут из операции, ясно лишь одно – с потерями. Указывая на эти очевидные проблемы, Гот также выражал сомнение в том, что ОКХ после этого будет в состоянии сдержать обещание и выделить дополнительные силы перед наступлением на Курск. Их может просто не оказаться в необходимом объеме. Непонятно, какое влияние в тот момент письмо генерала оказало на позицию Берлина, тем не менее в истории Курской битвы ему было суждено сыграть важную роль. Через некоторое время оно не только поменяет взгляд Э. фон Манштейна на основные задачи «Цитадели», но и заставит его существенно изменить уже сверстаный план действий его группы в этой операции. В донесении Г. Готу удалось сгенерировать и ясно обосновать главную и, что очень важно, на тот момент выполнимую цель летней кампании, которая до этого момента только формировалась в сознании фельдмаршала после того, как не удалось реализовать его замысел отсечь часть Курского балкона. Документ нацеливал не на захват Курска и окружение колоссальной группировки Центрального и Воронежского фронтов, а на уничтожение значительной части русских подвижных резервов в процессе наступления в направлении Курска.

Против операций в районе Харькова (Чугуев – Изюм) настойчиво выступал и штаб ОКХ. Именно благодаря усилиям его начальника генерала К. Цейтцлера на этой идее ее противникам окончательно удалось поставить жирный крест. 11 апреля генерал представил Гитлеру меморандум, в котором был изложен и обоснован план удара на Курск, получивший 31 марта официальное наименование «Цитадель»¹⁵. Он согласился с доводами ОКХ и уже 15 апреля подписал оперативный приказ № 6, в основу которого лег меморандум. Таким образом, под влиянием прежде всего военных «Ястреб» и «Пантера» окончательно ушли в небытие, хотя подготовка последней продолжалась, но это была уже лишь маскировка предстоящего удара на Курск. Описанная ситуация наглядно свидетельствует, что весной Гитлер не был таким уж невменяемым, как это иногда утверждается в исторической литературе. До его разума и рационального сознания можно было достучаться, и он принимал вполне взвешенные решения.

В приказе № 6 излагались как цели и задачи летней кампании на Востоке, так и принципиальный алгоритм действий групп армий Клюге и Манштейна. Суть его состояла в том, чтобы двумя встречными концентрическими ударами из районов южнее Орла («...с рубежа р. Тросна – района севернее Мало-Архангельска») на юг, через Поныри – Ольховатка, и севернее Белгорода («с рубежа Белгород – Томаровка») на север, через Обоянь, рассечь оборону двух фронтов – Воронежского (генерал армии Н.Ф. Ватутин) и Центрального (генерал-полковник К.К. Рокоссовский¹⁶) и, соединившись восточнее Курска (район Щегры), окружить их войска. «Я решил, – говорилось в приказе, – как только позволят условия погоды, провести

¹⁴ Kriegstagebuch Ia der Heeresgruppe Don/Süd, M ärz bis Jul i 1943. BArch-MA. RH 19 VI/45. Bl. 23.

¹⁵ В журнале боевых действий штаба Верховного командования вермахта отмечается, что приказ о присвоении кодового названия «Цитадель» поступил 31 марта 1943 г.

¹⁶ Звание генерала армии он получит 28 апреля 1943 г.

наступление „Цитадель“ – первое наступление в этом году. Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года... Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна стать факелом для всего мира»¹⁷.

Итоги операции, которые Гитлер официально ожидал, завораживали. Вермахту предстояло окружить два советских фронта, штатная численность которых превышала один миллион человек, овладеть территорией примерно 23 000 кв. км¹⁸ (если считать от переднего края Курской дуги до ж.д. дороги Орел – Курск) и тем самым сократить линию фронта на 240–250 км. Однако пока это было всего лишь желание группы людей, которые уже понимали, что проект «Тысячелетний Рейх» рушится. В самом же документе впервые за весь период войны перед главным наступлением года не ставилось ни одной экономической задачи, как это было ранее. В 1941 г. основной целью была Украина, с ее хлебом, углем и марганцем, в 1942 г. – кавказская нефть и огромные территории, в том числе богатые черноземом, а в 1943 г., как и заявил Гитлер в январе, наступление готовилось для достижения временной передышки по пути к неминуемой катастрофе. Острый дефицит войск (особенно пехоты) не только для этого наступления, но и вообще для поддержания стабильности на советско-германском фронте, а также отсутствие большой и, главное, реальной цели придавали плану «Цитадель» характер удара в никуда. Одним словом, война ради войны, и иного уже не могло быть. Это откровенно признал и один из ключевых участников Курской битвы, начальник штаба 4-й ТА генерал Ф. Фангор, который после войны писал: «...Можно заключить, что у операции „Цитадель“ не было по-настоящему решающей стратегической цели»¹⁹. Осознание этого и являлось основным источником нервозности и напряжения во всех ключевых звеньях политического и военного руководства Германии, которые наблюдались весной и в начале лета 1943 г.

Тем не менее, несмотря на серьезные проблемы на Востоке и угрозу высадки англо-американских войск в Европе, Берлин сумел изыскать для «Цитадели» достаточно большие силы. Наступление планировалось проводить на довольно узких участках, которые в общей сложности составляли менее 14 % советско-германского фронта. Из 12 армий и 5 армейских групп, действовавших на Востоке, для ее реализации предполагалось привлечь две армии (4-ю ТА и 9-ю А) и одну армейскую группу (АГ Кемпфа).

Итак, первоначально замысел операции по отсечению южной части Курской дуги возник в штабе ГА «Юг» спонтанно, как реакция на успешные действия ее войск в феврале – марте 1943 г. на Украине, и имел главную цель – максимально полно использовать успех контрудара под Харьковом, а также решить хотя и важные, но тем не менее частные проблемы группы Манштейна в преддверии трудного во всех отношениях летнего периода боев. В тот момент предложение фельдмаршала не было единственным и, по оценке ОКХ и ОКВ, не являлось оптимальным, так как Э. фон Манштейн прежде всего исходил из интересов своей группы. Хотя пытался убедить Берлин, что они совпадают и со стратегическими целями рейха.

Политическое и военное руководство Германии, находясь в тяжелом морально-психологическом состоянии, осознавая, что после разгрома на Волге победа в войне стала призрачной, лихорадочно искало приемлемый вариант дальнейшего ведения войны. Поэтому Гитлер и ОКХ, вдохновленные результатами контрудара войск Манштейна, начали рассматривать план, предложенный генерал-полковником Р. Шмидтом, который, по сути, развивал идею фельдмаршала как основу для всей летней кампании.

¹⁷ Курская битва / Под ред. И.В. Пароткина. М., Наука, 1970. С. 520.

¹⁸ Подсчитано автором.

¹⁹ Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. М., Яуза, 2006. С. 120.

Причинами мартовского успеха на Украине стали три главных объективных фактора. Во-первых, измотанность советских войск, три месяца не выходявших из боев, и отрыв боевых частей от тылов. Во-вторых, сосредоточение в ГА «Юг» основной части подвижных соединений советско-германского фронта, а также существенных резервов, переброшенных из Европы. В-третьих, отсутствие у советской стороны резервов на этом направлении. Поэтому в первоначальном плане наступления на Курск и Манштейна, и Шмидта не были учтены ни погодные условия (а в 1943 г. весна была ранняя), ни тяжелое состояние ГА «Центр», ни потенциальные возможности Красной Армии. Операция, изначально задумывавшаяся как логическое продолжение контрудара ГА «Юг», хотя и требовавшая дополнительных сил. Главным фактором ее успеха считалась лишь временная слабость советских войск на этом направлении, но до начала распутицы провести ее уже не удалось. Из-за бездорожья активные боевые действия были остановлены, советское командование оперативно нарастило свою группировку в этом районе, а 9-я А только приступала к сосредоточению дивизий в южной части орловской дуги, которые после зимних боев были не способны участвовать в крупном наступлении. Поэтому когда Э. фон Манштейн в своих мемуарах говорит, что он рассчитывал на успех операции весной, это лишь попытка «сохранить лицо». Германская армия ни в марте, ни в начале апреля не была в состоянии проводить крупное наступление, и рассчитывать даже теоретически на успех в ней любой трезвомыслящий полководец в тот момент не мог.

В середине апреля Гитлер, объективно оценивая для Германии Восточный фронт как ключевой в театре военных действий и не найдя более приемлемого варианта дальнейшего ведения войны, остановил выбор на «Цитадели» в качестве генерального наступления 1943 г. К этому моменту к нему приходит определенное «отрезвление» относительно возможностей вермахта и потенциала советской стороны. Во-первых, верно оценив аргументы военных, он хотя и с трудом, но отказывается от ликвидации «изюмского выступа» и концентрирует все силы на подготовке удара на Курск. Во-вторых, благодаря письму командующего 9-й А генерал-полковника В. Моделя от 24 апреля, в котором было однозначно сказано, что армия не готова к операции, Гитлер начинает осознавать, что февральско-мартовские успехи на Украине – это хотя и крупная победа, но в масштабах войны частность. После нее Германия не смогла перехватить инициативу, как ожидалось. Красная Армия по темпам наращивания сил и восстановлению войск после зимы заметно опережала группы и Манштейна, и Клюге, а Берлин пока не мог помочь им резко переломить эту тенденцию. Поэтому рассчитывать лишь на превосходство вермахта в управлении войсками и уровне подготовки личного состава, на чем акцентировали внимание сторонники «Цитадели», было опасно. К началу мая войска Красной Армии под Курском уже обладали значительной мощностью, а их командование – опытом и знаниями, поэтому имевшиеся у Клюге и Манштейна войска реализовать прежний план и добиться весомого результата не могли.

Послевоенные утверждения германских генералов и близких к ним историков о том, что Гитлер был пустым политиканом, не понимавшим законов и принципов проведения крупномасштабных операций, а его решения о переносе «Цитадели» были не обоснованы и лишили вермахт эффекта неожиданности, что стало главным фактором провала блестяще спланированного ОКХ наступления, далеки от истины. Во-первых, скрыть сосредоточение двух стратегических группировок общей численностью более 600 000 человек в районах, наиболее подходящих для наступления, невозможно. Это признавали многие военачальники вермахта. Например, участник Курской битвы генерал-майор Ф. фон Меллентин отмечал, что *«план и подготовительные мероприятия операции такого масштаба невозможно долго держать в тайне»*²⁰. Поэтому никто из генералов, причастных к «Цитадели», эффекту неожиданности первостепенного значения не придавал. Об этом же свидетельствуют и трофейные документы.

²⁰ Меллентин Ф. фон. Бронированный кулак вермахта. Смоленск, Русич, 1999. С. 321.

Основным фактором успеха и Гитлер, и ОКХ (хотя и в разной степени) считали наличие сил и средств, необходимых для реализации поставленных целей, а их даже по немецким минимальным расчетам никогда не хватало.

В конце апреля войска ГА «Юг», в первую очередь танковые, остро нуждались в отдыхе, пополнении личным составом и бронетехникой. А 9-я А, судя по письму В. Моделя, не имела для операции и минимума сил и средств. *«От этого плана мы должны были отказаться, – писал Э. фон Манштейн, – так как группа „Центр“ не в состоянии была взаимодействовать с нами. Как бы ни был слаб противник после своего поражения у Харькова, все же одних сил группы „Юг“ было недостаточно, чтобы ликвидировать эту широкую дугу»*²¹. Гитлер решил, что условия для наступления неподходящие и риск неудачи слишком велик. Поэтому ни в апреле, ни в мае план до стадии практического воплощения не довели, хотя уничтожение Курского выступа он считал важнейшей задачей на ближайшее время и никогда от этого не отказывался.

Хотя Курск должна была захватить 9-я А, ГА «Юг» считалась основной, перед ней ставились более сложные и масштабные задачи. До предполагавшегося рубежа встречи в районе Щегров войскам Г. фон Клюге предстояло пройти примерно 75 км, а Э. фон Манштейна почти в два раза больше – 125. Поэтому непосредственно для прорыва советской обороны в ее полосе выделялось несколько больше сил – 9 танковых и моторизованных дивизий, против 7 в ГА «Центр». И, что немаловажно, ее должны были усилить новыми образцами танков. ГА «Юг» состояла из: 4-й ТА генерал-полковника Г. Гота и армейской группы генерала танковых войск В. Кемпфа, названная его фамилией – АГ Кемпфа. Оба объединения располагали в общей сложности 11 пехотными, 9 танковыми и моторизованными дивизиями.

К началу мая у Э. фон Манштейна появились серьезные сомнения в его успехе в операции. Для решения столь масштабных задач, как окружение двух фронтов, были необходимы значительные силы, в том числе пехотные дивизии, а они пока не прибыли. Вместе с тем долго скрывать от советской разведки подготовку к наступлению не удастся, поэтому рассчитывать на эффект неожиданности не приходилось. 4 мая в Мюнхене состоялось крупное совещание с участием ключевых фигур, причастных к реализации «Цитадели», на котором обсуждались перспективы и операции, и летней кампании на Востоке, после которого Гитлер перенес дату наступления на 12 июня.

Командующий ударным объединением ГА «Юг» генерал-полковник Г. Гот не верил в возможность достижения всех целей операции, но, не имея возможности кардинально повлиять на это решение, настойчиво старался отстоять наиболее реальную, по его мнению, задачу своей армии в ходе наступления – уничтожение резервов русских. Генерал-полковник хотел, чтобы она была признана командованием ГА «Юг» первостепенной, хотя бы на первом этапе «Цитадели», и включена в процесс оперативного планирования. 10–11 мая в штабе 4-й ТА в г. Богодухов на Украине у него состоялась встреча с Э. фон Манштейном. Фельдмаршал знал позицию командующего армией; помимо критики и сомнений в возможности реализации «Цитадели» в полном объеме из-за отсутствия необходимых сил, в позиции Г. Гота он уловил главную для себя мысль – его стремление найти оптимальный вариант уничтожения с каждым днем увеличивающихся танковых резервов противника. Советские крупные подвижные соединения уже в ходе Сталинградской битвы и последующего зимнего наступления показали свою мощь и высокую мобильность. Эта задача была и очень важной, и в то же время значительно реалистичнее, чем окружение двух фронтов. По оценкам Г. Гота, перед фронтом ГА «Юг» уже находятся внушительные силы – 8 танковых и механизированных корпусов. Если не решить ее в ближайшее время, эти резервы могут стать серьезной угрозой для его группы, советское командование будет использовать их как для отражения наступления его войск, так и в каче-

²¹ Манштейн Э. фон. Утерянные победы. М., Воениздат, 1957. С. 432.

стве ударного клина, чтобы развить до больших масштабов свое предстоящее наступление в направлении Днепра. Эта идея Г. Гота была созвучна размышлениям фельдмаршала, поэтому он решил ее обсудить с ним с глазу на глаз, а также выслушать его мнение и предложения по практическому ее воплощению в плане операции.

После прибытия Э. фон Манштейна к Г. Готу в Богодухов в течение двух суток ими был не только обсужден круг крупных проб лем, связанных с участием в «Цитадели» и ГА «Юг», и 4-й ТА, но и приняты важные решения, которые легли в основу второго варианта плана их наступления на Курск. Причем инициатором ключевых идей, которые затем обрели форму решений, стал именно генерал-полковник. О замысле Г. Гота, высказанном в эти два дня, впервые широко стало известно из записок генерала пехоты Ф. Фангора, которые тот сделал после войны для военно-исторической программы армии США. Г. Гот полагал, что, учитывая рельеф местности, не следует наносить удар из района Белгорода на Курск по прямой линии, т. е. через Обоянь, как этого требовал первоначальный (апрельский) план наступления. Танкопроходимые участки южнее Обояни узкие, ограничены поймами трех рек и глубокими балками, поэтому немецкие подвижные соединения, в случае движения строго на север, уже в начале наступления могут понести большие потери. *«Гот также считал, – отмечает Ф. Фангор, – что советские стратегические резервы... вступят в сражение быстро, пройдя через узкий проход между реками Донец и Псел у Прохоровки... Следовательно, прорвав оборону противника, 2-й тк СС не мог наступать прямо на север через Псел, он должен повернуть на северо-восток... к Прохоровке, чтобы уничтожить танковые силы русских, которые мы надеялись обнаружить именно там. Преимущество такого маневра было в том, что он приближал нас к 3-му тк армейской группы Кемпфа»²².*

Он предложил изменить и задачи 48-го тк. После начала наступления он не должен был пробиваться строго на север через р. Пена, как это планировалось ранее, а, двигаясь в тесном взаимодействии с войсками левого крыла корпуса СС, прикрывать его. В том числе и после разворота эсэсовцев на северо-восток, к Прохоровке. Это позволяло командиру корпуса СС генерал-полковнику П. Хауссеру направить максимум сил в ударный клин и в решающий момент сражения под Прохоровкой рассчитывать на помощь соседа. Вместе с тем Г. Гот считал, что в ходе прорыва через мощную систему русских его войска понесут чувствительные потери. Поэтому пока 4-я ТА не преодолеет рубеж Новенькое – Тетеревино (27–30 км южнее Обояни), куда и ожидался подход советских резервов, рассчитывать, что его танковые дивизии выйдут на оперативный простор, нельзя. Но если сражение у Прохоровки будет выиграно, войска ГА «Юг» прорвутся в водораз дел рек Оскол, Донец, Псел и Сейм, откуда они смогут наступать в любом направлении.

14 мая Г. Гот направил Э. фон Манштейну письмо, в котором уточнил детали своего плана и в связи с этим кратко изложил новую схему наступления в первый день операции и порядок использования войск двух основных корпусов. В первой части документа генерал-полковник предложил внести изменения в два важных пункта первого (апрельского) варианта плана наступления войск ГА «Юг»: разграничительную линию между его войсками и Кемпфа и состав ударного клина своей армии непосредственно перед началом операции, а также обосновал их. Командующий писал: *«В дополнение к моим устным замечаниям 10 и 11 мая я предлагаю следующее относительно проведения операции „Цитадель“:*

1. Перемещение раздельной линии между АГ Кемпфа и 4-й ТА до развилки в 6 км юго-западнее Шопино, как и было до сих пор, далее Шопино (4-я ТА) – Вислое – Смородино (АГ Кемпфа) – Лучи – Прохоровка – Ольховатка – Сараевка – Субботино (4-я ТА) – Тим (АГ Кемпфа). Обоснование. Такая линия разграничения позволяет танковой армии ударом по мосту, идущему на север через Прохоровку, пройти участок Псла танковым корпусом СС,

²² Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. М., Яуза, 2006. С. 100.

обходя восточнее, а основной массой 48-го тк восточнее Обояни ударить на север. Таким образом, вся операция будет проходить через стоящие в районе Мирополье – Суджы и восточнее от него вражеские части, и в связи с этим возможен более скорый прорыв в направлении Курска. Командование АГ Кемпфа с таким решением согласно.

2. Применение 3-й тд с начала наступления на переднем крае западного крыла 48-го тк, а не во второй волне. Обоснование. Необходимо предотвратить ситуацию, при которой мд „Великая Германия“ была бы вынуждена выделять свои части для прикрытия западного фланга. Поскольку для имеющейся в наличии пехоты для этих целей недостаточно, 3-я тд должна быть задействована в первой линии. Кроме того, опыт показывает, что танковая дивизия, поставленная во вторую волну, как правило, продвигается с большими сложностями (заторы на дорогах и т. д.) и всегда сильно опаздывает»²³.

Это первый документ, в котором Г. Гот предлагает бросить свой последний оперативный резерв, каковым являлась 3-я тд, в бой с первых минут «Цитадели» и тем самым фактически лишить себя рычага влияния на обстановку в полосе прорыва. Об этом решении было известно давно, и некоторые исследователи его не без основания считали ошибочным, но вот аргументы командующего армией в его пользу мне удалось найти только сейчас. И надо сказать, убедительными они не кажутся. При анализе каждого аргумента по отдельности второй вызывает удивление. Можно ли вообще сравнивать наличие оперативного резерва в руках командующего в начале наступления с довольно спорным утверждением о сложности ввода дивизии в бой со второго эшелона. Ведь резервы всегда выводились именно так. Однако этот подход не поможет отнять мотив Гота. Более эффективно рассматривать оба фактора в комплексе – стремление не распылять силы мд «Великая Германия» и сложность быстро ввести дивизию в бой. Еще одна танковая дивизия была нужна ему в первые часы наступления для создания прежде всего предельно высокой плотности сил и средств, чтобы гарантированно за короткое время смять рубеж русских. Кроме того, Гот опасался сильных танковых контратак во фланг уже на первой полосе обороны. Следовательно, становится понятным его главный мотив, который открыто в письме не назван: уже в середине мая у генерал-полковника отсутствовала уверенность в возможности быстро прорвать главную полосу обороны Воронежского фронта.

Кроме того, именно в этом документе генерал-полковник впервые предложил Э. фон Манштейну провести частную операцию по захвату местности южнее Черкасского, крупного села и мощного узла обороны войск правого крыла 6-й гв. А, где располагались с. Бутово, и прилегавших высот с позициями боевого охранения гвардейцев. Этот удар он предлагал провести за сутки до начала операции «Цитадель», и, по сути, он должен стать первым шагом по реализации ее замысла.

Таким образом, «план Гота» предполагал осуществление операции «Цитадель» фактически в два этапа. На первом – 4-я ТА должна была, во-первых, прорвать две из трех армейских полос обороны Воронежского фронта, во-вторых, совместно с АГ Кемпфа уничтожить советские оперативные и стратегические бронетанковые резервы в районе ст. Прохоровка. И лишь после этого у нее могла появиться возможность двигаться дальше в район Щигры на соединение с войсками Моделя. Генерал-полковник считал, что если эти две задачи удастся решить быстро и без очень высоких потерь, то армию уже ничто не сможет остановить. Тем не менее он не был уверен в том, что русские без особого сопротивления позволят отрезать и уничтожить шесть своих армий в Курском выступе. Поэтому, хотя главная цель второго этапа была ясна – встреча с 9-й А, он считал, что конкретные задачи корпусам следует ставить лишь после сражения под Прохоровкой²⁴.

²³ NARA USA. T. 313. R. 370. F. 8656081, 8656082.

²⁴ Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. М., Яуза, 2006. С. 101.

Следовательно, уничтожение советских подвижных резервов в Прохоровском сражении являлось решающим фактором для дальнейшего развития «Цитадели». Э. фон Манштейн согласился с доводами Г. Гота. Его план был достаточно продуман и адаптирован к местности, вполне учитывал мощь советской оборонительной системы по состоянию на начало мая, возможности группы армий, их сильные (качество танковых дивизий) и слабые (нехватка пехоты) стороны, а также был лишен авантюрного налета. Кроме того, в нем был заложен трезвый и логичный прогноз действий советского командования, исходя из оперативной обстановки, которая должна сложиться в ходе действий 4-й ТА и АГ Кемпфа. По мнению К. фон Типпельскирха, к мысли, высказанной Г. Готом в мае, придет и Гитлер, но позже, уже перед началом Курской битвы: *«События прошедшего года все-таки, по-видимому, отразились на оперативных взглядах Гитлера. В одной из речей, произнесенной им незадолго до начала наступления перед лицами высшего командного состава, на которых возлагалось проведение операции, он заявил о своем твердом решении перейти к стратегической обороне (вероятно, речь идет о совещании 1 июля 1943 г. – В.З.). Германия, сказал он, должна отныне изматывать силы своих врагов в оборонительных сражениях, чтобы продержаться дольше, чем они; предстоящее наступление имеет целью не захват значительной территории, а лишь выпрямление дуги, необходимое в интересах экономии сил. Расположенные на Курской дуге русские армии должны быть, по его словам, уничтожены, нужно заставить русских израсходовать все свои резервы в боях на истощение и тем самым ослабить их наступательную мощь к предстоящей зиме. Основная мысль этих рассуждений вполне совпадала с точкой зрения военного руководства, тем более что идея изматывания войск противника практически уже осуществлялась»*²⁵.

Через пять дней, 18 мая, в войска было направлено письмо за подписью Э. фон Манштейна, в котором фельдмаршал давал рекомендации командованию армий и корпусов, привлекавшихся для «Цитадели», главным образом по вопросам управления войсками, но не только. В письме явно прослеживаются результаты совещания в Богодухове и те мысли, которые высказывал в ходе него Г. Гот. Например, о необходимости непосредственно перед нанесением удара провести частную операцию по захвату предполья, где оно очень широкое для того, чтобы собрать время и силы для прорыва в первый день операции. Но самое интересное, на мой взгляд, это констатация фельдмаршалом очевидного факта, что эффекта неожиданности в наступлении не будет, хотя надо постараться сохранить его на отдельных участках. Я особо обращаю внимание на это обстоятельство, т. к. в ряде исследований отечественных авторов советского периода историографии и даже в академических трудах можно встретить совершенно обратное утверждение²⁶. Вот выдержка из этого документа:

«А) Ведение боевых действий.

1. Операция „Цитадель“ предусматривает прорыв сильных и глубоко оборудованных оборонительных укреплений. Это требует точнейшей подготовки, которая относится не только к первому удару, но и учитывает все возможности относительно вражеских позиций в тылу так, чтобы не снизить мобильность ведения боевых действий.

Наступление в общем делится на три фазы:

а) Прорыв передовых позиций (включая подходы). Проводится запланированная атака с применением большого количества вооружения. Для этого необходимо провести обучение теснейшему взаимодействию пехоты, танков, саперов и артиллерии. Целью этой фазы должно стать уничтожение расположенных на переднем крае обороны русских дивизий настолько, чтобы не встал вопрос о сражении на второй линии.

б) Быстрый прорыв до второй линии. На этом этапе в действие вводится ведение обычных боевых действий танковыми дивизиями. Сосредотачивая силы и быстрыми бросками

²⁵ Типпельскирх К. фон. История Второй мировой войны. Санкт-Петербург, Полигон, 1994. С. 24.

²⁶ Например, История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., Воениздат, 1964. С. 257.

продвигаясь вперед, необходимо обеспечить плотное примыкание артиллерии и мобильность пехоты после прорыва первой линии. С другой стороны, в случае если вторая линия обороны занята большими резервами противника, командование должно быть в состоянии своевременно остановитьдвигающиеся вперед танковые дивизии, и если будет необходимо, также и вторую линию атаковать плановой атакой для прорыва обороны. Участки, на которых это должно происходить, как и места сосредоточения сил для этих ударов, продумать заранее.

с) Бои на свободной территории с оперативными резервами противника.

Чем меньше танковых дивизий до сих пор имело возможность участвовать в плановых атаках, в позиционных боях, тем тщательнее должна быть подготовка руководителей и тем большее обучение необходимо провести в войсках.

...3. Tактическую внезапность, хотя бы в вопросах выбора мест прорыва и времени начала наступления, необходимо обеспечить всеми видами маскировки и отвлекающими действиями.

Подтягивание танковых частей и их сосредоточение перед наступлением, все движения должны быть любыми средствами скрыты от вражеской разведки. Группы, необходимые для обучения наступающих частей, должны быть незаметно на отдельных машинах отправлены вперед, в то время как основная масса должна быть подтянута как можно позже. Там, где это возможно, создать районы сосредоточения в X–2 и X–1 день в стороне от основных целей наступления. Завершение любых перемещений должно осуществляться до рассвета. Число машин для перевозки grenадеров сократить максимально. Машины grenадерских полков оставить далеко сзади и в районы сосредоточения отправить только машины с тяжелым вооружением, в то время как танковые grenадеры подойдут маршем. Все остальное движение сильно сократить. Отдельной группе войск приказано провести отвлекающие мероприятия.

...5. Внезапная атака обещает при наступлении на первую линию обороны успех только на отдельных целях (выдвинутые вперед пункты наблюдения, опорные точки и т. д.). При прорыве глубоких укреплений неожиданность соответственно исчезает, но ее должно заметить усиление огня. Таким образом, скорость не падает, для чего силу огня необходимо продумать заранее. После прорыва передовых позиций неожиданность может быть выиграна путем неожиданного быстрого удара по второй линии.

6. Позиции перед передним краем. Там, где есть ощущение, что противник свою основную линию обороны отодвинул вглубь, оставив впереди только передовые посты или выдвинутые вперед укрепленные пункты, взять эти места еще до начала атаки или ранним утром в день наступления, используя эффект внезапности. Целью этих продвижений, кроме взятия наблюдательных пунктов, является доступ к вражеским минным полям для их зачистки до начала наступления, а также отвлечение вражеских артиллерии и противотанковой защиты. Там, где основная линия обороны вплотную примыкает к нашей линии, атака должна начаться прямо с нее (от руки отмечено «СС»)²⁷.

Г. Гот был человеком с твердым характером, очень целеустремленным и настойчивым в достижении задуманного. Поэтому немудрено, что, судя по дальнейшим событиям, фельдмаршал согласился с его доводами и одобрил предложенный им план. Казалось, он был достаточно продуман и адаптирован к местности, учитывал мощь советской оборонительной системы, численность войск группы армий, их сильные (мощь танковых дивизий) и слабые (нехватка пехоты) стороны, и был лишен авантюрного налета. Кроме того, в нем был заложен трезвый и логичный прогноз действий советского командования, исходя из определенной оперативной обстановки, которая должна была сложиться в ходе действий войск армии.

Опасения Г. Гота за свой левый фланг полностью оправдались уже к июню. Немецкая разведка обнаружила в районе Обояни сосредоточение советской 1-й ТА. Опираясь на эти дан-

²⁷ NARA USA. T. 313. R. 340. F. 8656364–8656367.

ные, штаб армии 20 июня 1943 г. подготовил любопытный документ «Оценка обстановки для проведения операции „Цитадель“ и ее продолжения», в нем был изложен ряд ключевых условий, при которых возможно проведение ее второго этапа. *«За последнее время, – отмечается в нем, – противник еще более укрепил свои позиции, значительно усилил средства обороны и, кроме того, по весьма достоверным сведениям, выдвинул 1-ю танковую армию с 3-м моторизованным и 16-м танковым корпусами в район Обоянь, Курск. Следует ожидать появления других крупных танковых и моторизованных сил противника северо-восточнее Белгорода и в районе Острогожска.*

Несмотря на это, успешное проведение операции „Цитадель“ все еще возможно. Однако, учитывая широкий размах оборонительных мероприятий противника, она займет более продолжительное время, чем можно было предполагать до сего времени. Поэтому объединение с 9-й А произойдет позже намеченного срока.

*Можно полагать, что после прорыва обеих оборонительных полос противника задача 4-й ТА будет состоять в разгроме 1-й танковой русской армии, ибо без ее уничтожения дальнейшее проведение операции немыслимо. Тем временем находящиеся восточнее Курской дуги русские моторизованные и танковые силы столкнутся с оперативной группой Кемпфа. По имеющимся на сегодня сведениям, численность и сила этих соединений такова, что одна оперативная группа Кемпфа будет не в состоянии уничтожить их. Вероятно, потребуется развернуть на восток для участия в танковом сражении и 4-ю ТА с ее обоими танковыми корпусами, обеспечив ее тыл пехотными дивизиями. Было бы неправильно выделить для этого только один танковый корпус 4-й ТА, а другой оставить наступать на север. **Необходимо уничтожить как можно больше наступательных средств противника.** Это возможно только в том случае, если все танковые силы армейской группы Кемпфа и 4-й ТА будут повернуты для удара в тесном взаимодействии по восточному флангу противника. **Лишь после проведения этой части операции можно будет осуществить соединение с 9-й А.***

Для продолжения операции важен не территориальный выигрыш, а уничтожение новых крупных соединений противника. Только если будет осуществлена эта возможность, было бы оправданно продолжение наступления. В противном случае следует приостановить операцию и перейти к построению нового рубежа обороны по общей линии Волчанок, Скородное, Тим и севернее»²⁸.

В этом документе, за две недели до начала Курской битвы, командование ударного объединения ГА «Юг» не только высказало уверенность относительно возможности осуществления намеченного в плане «Цитадель», но и указало на новую, очень существенную угрозу – 1-я ТА генерал-лейтенанта М.Е. Катюкова. По мнению составителей, ее уничтожение, наряду с истреблением советских стратегических резервов у Прохоровки (в документе район северо-восточнее Белгорода), в том числе 5-й гв. ТА генерал-лейтенанта П.А. Ротмистрова, находившейся в это время в районе Острогожска (Воронежская область), являлись главной задачей первого этапа.

Причем, учитывая полосу наступления 48-го тк и указанные в документе вероятные районы развертывания войск Катюкова, штаб армии четко не указал, что уничтожение 1-й ТА – это первоочередная задача войск именно 48-го тк. Реальную численность 1-й ТА немцы не знали, поэтому трудно было рассчитывать на ее быстрое уничтожение. Ф. Фангор писал: *«Генерала продолжало беспокоить, смогут ли справиться наши силы с этой сложной задачей. Он чувствовал, что два танковых корпуса с шестью танковыми и моторизованными дивизиями представляют слишком слабую силу, чтобы выполнить ее. С другой стороны, все мы верили, что качество этих дивизий и их вооружение были фактором, способным значительно усилить*

²⁸ Курская битва / Под ред. И.В. Пароткина. М., Наука, 1970. С. 514.

удар. Прибытие двух батальонов со 188 новыми „пантерами“, казалось, послужат подтверждением такого взгляда»²⁹.

Ясно и откровенно обрисовал собственное видение ситуации с целями операции и реальными возможностями войск, выделенных для ее осуществления, сам Э. фон Манштейн: *«Группа „Юг“ была в состоянии выделить для операции „Цитадель“ большие силы, а именно – две армии, в составе которых было 5 корпусов с 11 танковыми и 7 пехотными дивизиями. По мнению командования группы, решающим фактором для использования этих армий было то обстоятельство, что противник вскоре после начала операции бросит в бой свои сильные оперативные резервы, стоявшие восточнее и северо-восточнее Харькова. По меньшей мере столь же важной, как удар на Курск с целью отсечения находившихся там вражеских сил, была задача обеспечить с востока этот удар от подходящих вражеских танковых и механизированных соединений, нанося встречные удары. Разгром этих сил был также целью операции „Цитадель“»³⁰.*

Таким образом, не только командующий 4-й ТА, но и само руководство ГА «Юг» придавало, по сути, второстепенной задаче операции – нанесение тяжелых потерь советской стороне, важнейшее значение и ставило ее, «по меньшей мере», в один ряд с главной, сформулированной Гитлером, – окружение войск двух фронтов. Создается впечатление, что у Э. фон Манштейна просто не было выбора, из двух зол он выбирал наименьшее, считая в действительности задачу первого этапа наступления – главной и единственной, и не верил в возможность воплощения амбициозных затей фюрера. В своей книге бывший начальник штаба 48-го тк генерал Ф. фон Меллентин пишет: *«Со стратегической точки зрения „Цитадель“ являлась крайне опасной операцией, так как в это огромное наступление должны были бросить фактически все оперативные резервы....Если бы даже мы и преодолели минные поля и срезали Курский выступ, мы не многого бы добились. Потери с нашей стороны, конечно, были бы огромными, и мы вряд ли смогли бы что-либо сделать с окруженными в котле многочисленными русскими дивизиями. Что касается резервов русских и упреждения их летнего наступления, то, пожалуй, было бы более вероятным, что наши собственные резервы перестанут существовать»³¹.*

Но приказ есть приказ, и его отменить никто, кроме Гитлера, не мог. Поэтому основное внимание командования ГА «Юг» было направлено на подготовку первого этапа операции. Все моменты предстоящих боевых действий первого этапа тщательно продумывались. На учениях, проводившихся в конце мая – начале июня в штабах 4-й ТА, ее соединений и частей присутствовал не только Г. Гот, но и Э. фон Манштейн. Даже на тех, где приглашались командиры полкового и батальонного звена. Кроме того, во всех дивизиях систематически проводились тренировки на картах, вплоть до командного звена взводов.

Поверив в реалистичность плана Гота, Э. фон Манштейн также считал ключевым моментом «главное сражение» у Прохоровки. Исходя из его результатов (каковы будут потери сторон), должны были быть определены перспективы и поставлены задачи войскам для достижения заявленной как главная задача «Цитадели» – рывок на соединение с 9-й А. Хотя это не означало, что если оборона Воронежского фронта рухнула под ударами танковых клиньев Гота в первые день-два, то он не воспользовался бы этой ситуацией и, остановив движение войск на Курск, ожидал бы подхода советских бронетанковых соединений к Прохоровке. Однако, как бы ни хороши и реалистичны были планы Гота, их воплощение в первую очередь зависело от стойкости русского солдата и умения командного состава советских войск эффективно управлять имеющимися силами и средствами. А как покажут бои под Курском, эти факторы немцами были явно недооценены.

²⁹ Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. М., Яуза, 2006. С. 101.

³⁰ Манштейн Э. фон. Утерянные победы. М., Воениздат, 1957. С. 434.

³¹ Меллентин Ф. фон. Бронированный кулак вермахта. Смоленск, Русич, 1999. С. 318, 321.

Перед 12-м, а затем и 21 июня Гитлер вновь перенес дату наступления и назначил его на 3 июля, а 25 июня установил окончательный срок – 5 июля. Этот день и вошел в историю как момент начала одной из крупнейших битв Второй мировой войны. У командного состава ГА «Юг» постоянные переносы вызывали раздражение и непонимание действий высшего руководства. Чем больше проходило времени, тем сильнее вера в удачный исход летней кампании таяла и былого энтузиазма значительно поубавилось. *«Германское Верховное командование, – пишет генерал Ф. фон Меллентин, – совершало точно такую же ошибку, что и за год до этого. Тогда мы штурмовали Сталинград, теперь мы должны были брать превращенный в крепость Курский выступ. В обоих случаях немецкая армия лишилась своих преимуществ, связанных с ведением маневренных действий, и должна была вести бои с русскими на выбранных ими позициях... Вместо того чтобы попытаться создать условия для маневра по средствам стратегического отступления и внезапных ударов на спокойных участках фронта, германское командование не придумало ничего лучше, как бросить наши замечательные танковые дивизии на Курский выступ, ставший к этому времени сильнейшей крепостью в мире. К середине июня фельдмаршал фон Манштейн и все без исключения его командиры соединений пришли к выводу, что осуществление операции „Цитадель“ является безумием»*³².

Я бы не стал столь категорично утверждать, что командующий ГА «Юг» в этот момент был противником наступления, он сам об этом писал. По свидетельству начальника штаба его группы генерала пехоты Т. Буссе, *«с разрешения ОКХ фельдмаршал выразил протест по поводу возможного откладывания операции»*, но не был услышан. Г. Гот, как главный «архитектор» плана наступления на Курск с юга, в середине июня хотя и не выступал резко против удара, тем не менее все больше проявлял озабоченность соотношением сил перед фронтом своей армии. Он считал, что эффект неожиданности давно исчез, а для отражения удара 1-й ТА и проведения сражения у Прохоровки имевшихся у него двух танковых корпусов (2-й тк СС и 48-й тк) уже недостаточно. 14 июня 1943 г. он направил в штаб группы армий документ с оценкой ситуации в полосе Воронежского фронта и вероятных намерений его командования. В нем генерал хотя и демонстрировал ясное понимание логики действий советской стороны, однако степень его информированности распространялась не далее второй армейской полосы. В это время он не мог даже с уверенностью сказать, существует ли третья линия обороны советских войск на направлении главного удара его армии (которая уже давно строилась), и высказывался о ней лишь в предположительном тоне. *«Русские ожидают немецкое наступление для выравнивания фронтовой дуги Курска, – писал генерал-полковник. – Им только непонятно, где это наступление начнется. Сначала мероприятия по укреплению позиций указывали на то, что противник ожидает атаки вдоль основных дорог между Белгородом и Томаровкой. Сейчас выглядит так, что он рассчитывает на атаку юго-западнее Ракитного. Значительное усиление русской обороны отмечается на всем фронте. Подведение стрелковой дивизии южнее Красной Яруги, дальнейшее усиленное строительство позиций, в том числе окапывание танков и установка минных полей, отмечаются невооруженным глазом. Позиции артиллерии противника приумножились. На переднем крае, кроме всего прочего, противник усилил противотанковую оборону.*

Противотанковые рвы южнее Черкасское протянуты до начала оврага в 2 км западнее Березовый так, что на всем фронте наступления дыры между естественными преградами для танков перекрыты. Еще один противотанковый ров находится в процессе строительства юго-западнее Дуброва с обеих сторон дороги. Тут, как и у Яковлево, значительно усилена 2-я линия обороны. В остальном основное место установленных работ по укреплению находится западнее линии Солдатское – Ракитное. По показаниям военнопленных, надо рассчитывать на то, что на Псле строится 3-я линия обороны.

³² Меллентин Ф. фон. Бронированный кулак вермахта. Смоленск, Русич, 1999. С. 322.

Основное направление вражеской разведки и разведка боем в предполагаемых районах наступления лежат в районе у Ерика и Бутово. На остальном фронте армии активность только у Трефиловки перед центром и правым крылом 57-й пд.

Наши батареи русскими пока не обстреливаются. Их беспокоящий огонь нерегулярный и в последнее время стал слабее.

Путем увеличившейся засылки агентов и особенно ночных воздушных разведок без бомбометаний русские пытаются любой ценой разобраться в ситуации.

Проведенная русскими 13.06 атака на укрепленный пункт Трефиловка силами полка было исключительно локальной операцией. Дальнейшие атакующие намерения до сих пор не выявлены.

В той же мере, в какой растет ударная сила наших частей, растут и оперативные резервы русских. Особенно нужно рассчитывать на значительно большее число танков и их лучшую оснащенность, чем это рассчитывалось ранее.

Укрепление наших оборонительных позиций продвигается очень мелкими шагами, поскольку дивизионные участки слишком растянуты и части заняты постоянной обороной. Начато строительство артиллерийских позиций и второй линии обороны. Поскольку для этих целей есть только местные жители без должного числа надзирателей (строительных батальонов), строительство идет очень медленно. Саперные батальоны сухопутных сил заняты улучшением дорог и мостов. Дивизионные саперные батальоны находятся на обучении для особых задач.

Сильно нуждается в улучшении обучение частей. Тем не менее дух атаки и желание двигаться вперед выше всяких похвал. Материальное обеспечение все же в общем не улучшилось. Вызывают размышления недостаточное оснащение танков 3-й и 11-й тд. До сих пор не все танки оснащены фартуками. Других нареканий, которые надо срочно выполнить, нет.

Передача материального обеспечения дивизионным боевым школам и армейской оружейной школе танковой армии снижает материальную силу частей, поскольку замена техники не приходит.

Вывод: я считаю, что каждый день промедления с началом наступления „Цитадель“ идет только на пользу противнику»³³.

То, что все оценки Г. Гота касаются главным образом района первой и второй полосы и проблемы недостаточной укомплектованности танковых дивизий техникой, ключевого инструмента прорыва, свидетельствовало о его большой обеспокоенности степенью укрепленности обороны войск Ватутина и неуверенности, что ее можно будет быстро прорвать имеющимися силами. На 19 июня в 11-й тд числилось 84 танка и 21 штурмовое орудие, в том числе 5 устаревших Т-2, 4 командирских и 3 огнеметных, а в 3-й тд и того меньше – 63 плюс 21 штурмовое орудие³⁴. Это действительно было мало, примерно на 30–40 машин меньше самого малочисленного штата, и в дивизиях соседней АГ Кемпфа ситуация была схожей. У Э. фон Манштейна танков больше не было, Г. Гот уже знал, что ему передается бригада «пантер», поэтому и от Берлина дополнительных сил ждать не приходилось. Поэтому к началу наступления (4 июля 1943 г.) 3-я тд пополнится лишь 5 танками, но при этом лишится 19 самоходок, а 11-я тд вообще ничего не получит³⁵.

Тем не менее Г. Гот все же надеялся, что высокий уровень подготовки личного состава и превосходство немецкой бронетехники над советской сыграют решающую роль в достижении определенных весомых результатов, по крайней мере на первом этапе наступления. О том, что, несмотря на неблагоприятные условия, у командующего 4-й ТА надежда пока еще теплилась,

³³ NARA USA. T. 313. R. 340. F. 8656227, 8656228.

³⁴ NARA USA. T. 313. R. 340. F. 8656227, 86562202.

³⁵ Zetterling N., Frankson A. Kursk 1943: a statistical analysis. London, Frank Cass, 2000. P. 186.

свидетельствует и его начальник штаба Ф. Фангор: *«В конечном счете, генерал Гот был уверен, что немецкая армия из-за постоянных отсрочек наступления потеряла элемент внезапности. Рассредоточение и перегруппировку шести танковых дивизий к югу от района Харьков – Ахтырка невозможно было скрыть от русских, несмотря на все меры дезинформации. При всем этом генерал был уверен в достижении хотя бы ограниченного успеха»*³⁶.

Судя по обнаруженным документам, больше всего пессимистов было среди командиров оперативно-тактического звена, т. е. среди тех, кому непосредственно предстояло решать задачи операции. А потому они высказывались более откровенно и категорично. Например, командир 7-й тд ГА «Юг» генерал-майор Г. фон Функ не скрывал своего резко отрицательного отношения к плану «Цитадель» и в присутствии старших офицеров соединения утверждал, что *«Германия уже проиграла эту войну. Немцы взяли на себя слишком непосильную задачу»*³⁷. Похожую оценку предстоящему наступлению давали и некоторые командиры ГА «Центр».

Один из важных принципов управления войсками, принятый в германской армии, был нарушен в ходе оперативного планирования операции и самим Готом. Прежде при наступлении немцы придерживались тактики, когда командир атакующего соединения имел сильный, как правило, мобильный резерв, который по его приказу направлялся на участок, где на данный момент было достигнуто наибольшее продвижение вперед. Действовавшие в этом районе части как бы вновь восстанавливали свои силы после прорыва и продолжали развивать успех. Теперь же эта проверенная в деле схема была отброшена.

Как уже отмечалось, еще в мае, после первого переноса даты наступления, Г. Гот решил вывести все свои дивизии в первую линию и тем самым лишиться оперативных резервов – важнейшего рычага влияния на ход боевых действий. Это решение он не отменил вплоть до начала операции. Поэтому тактика его соединений потеряла былую гибкость и превратилась в «таранную». Создается впечатление, что под влиянием систематически поступающих донесений разведки о существенном усилении рубежей обороны войск Воронежского фронта, с одной стороны, и переноса Гитлером дат наступления – с другой, у генерала сдали нервы. Вероятно, он очень беспокоился, что в случае если бои на первой армейской полосе затянутся на два-три дня, то изюминка его плана – прорыв на подступы к Прохоровке и уничтожение их бронетанковых резервов именно в этом районе – потеряет смысл. Так как командование Воронежским фронтом сумеет опередить его дивизии и быстрее выдвинет свои подвижные соединения в район прорыва, и тогда танковые части 4-й ТА будут вести сражение с превосходящими силами в наиболее неблагоприятных условиях – зажатые между поймами рек Пена, Ворскла и Донец. Считаю, что, принимая это решение, о дальнейшем рывке к Курску Гот уже и не думал. Объяснить мотивы данного распоряжения чем-то иным трудно. С. Ньютон пишет: *«То, что командование 4-й ТА было крайне обеспокоено вопросом, сможет ли 48-й тк вскрыть советскую линию обороны настолько быстро, чтобы вступить в этап развития успеха наступления армии, было крайне тревожным знаком»*³⁸. Действительно, в условиях, когда командующий ударного объединения группы армий теряет веру в возможность выполнения даже задачи первого дня операции еще до ее начала, о достижении главной цели наступления думать не приходится.

27 июня 1943 г. в подготовке 4-й ТА к удару имело важное значение. По сути, именно в этот день Г. Гот окончательно согласовал с руководством ГА «Юг» план действий армии на первом этапе и поставил окончательные тактические задачи командованию двух танковых корпусов. Для решения главной задачи первого этапа операции – уничтожения советских подвижных резервов у Прохоровки – было решено использовать весь 2-й тк СС.

³⁶ Newton S. H. Kursk. The German View. DA CARO PRESS, 2000. P. 74.

³⁷ Кросс Р. Операция «Цитадель». Смоленск, Русич, 2006. С. 133.

³⁸ Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. М., Яуза, ЭКСМО, 2006. С. 483.

В ходе движения к станции его правый фланг должна была прикрыть наступавшая с юга 6-я тд 3-го тк АГ Кемпфа, а левое крыло – мд «Великая Германия» 48-го тк. Генерал-полковник предполагал, что решающее сражение начнется в период с 7 по 9 июля. Он ожидал подхода к Прохоровке значительных сил Красной Армии, поэтому в сражении должны были непременно участвовать и войска 48-го тк и АГ Кемпфа. Планировалось, что к этому моменту 48-й тк успеет форсировать р. Псел южнее Обояни и, выставив заслон, повернет часть своих бронетанковых сил (частично 10-ю тбр «пантер») на помощь 2-му тк СС для борьбы с русскими танками. Однако В. Кемпф не располагал столь значительными силами, как Г. Гот, и только очень большой оптимист мог ожидать, что его группа будет в состоянии продвигаться вперед с той же скоростью, как и войска 4-й ТА.

На следующий день, во вторник 28 июня, командующим армией был подписан основополагающий документ: «Приказ на операцию „Цитадель“ № 194/43», в котором были закреплены решения предыдущего дня. Он гласил:

«1. Перед фронтом наступления танковой армии находятся, предположительно, четыре стрелковые дивизии противника на первой полосе обороны и две другие стрелковые дивизии – на второй. Кроме того, можно полагать, что один танковый корпус расположен на второй позиции или же непосредственно за ней и еще один танковый корпус – южнее Обояни.

Поведение противника показывает, что он, опираясь на свою глубокую и хорошо оборудованную систему обороны, намеревается удерживать выдвинутый вперед Курский выступ фронта и использует для этого расположенные близко к фронту танковые силы в борьбе за первую полосу обороны.

После прорыва второй полосы обороны следует ожидать танковых ударов силой нескольких танковых корпусов против восточного фланга всей наступающей группировки и ударов 3–4 подтянутых стрелковых дивизий против западного фланга.

2. 4-я ТА переходит в наступление „Цитадель“ для окружения и уничтожения противника на Курской дуге. Для этого в день „Х“ танковая армия в соответствии с планом прорывает первую позицию противника на участке высот северо-западнее Белгорода, Коровино, предварительно захватив высоты по обе стороны Бутово и южнее Герцовки войсками 48-го танкового корпуса в день „Х–1“³⁹ во второй половине дня.

Армия быстро сокрушает всякое сопротивление на второй позиции обороны противника, уничтожает брошенные против нее танковые силы и затем наносит удар в направлении на Курск и восточнее, обходя Обоянь с востока. Операция обеспечивается с востока наступлением оперативной группы Кемпфа. Для осуществления этого группа наступает левым флангом (6-я тд) из Белгорода через Сабынино в направлении на Прохоровку.

3. 2-й тк СС, поддержанный танками, после сильной артиллерийской подготовки, развивая планомерное наступление, прорывает передний край обороны противника на участке Березов, Задельное. Высоты, необходимые для артиллерийского наблюдения, занять ночью. Одна дивизия, эшелонированная уступом вправо, наступает до района Журавлины и овладевает дорогой Белгород – Яковлево.

После завершения боя за первую позицию противника корпусу немедленно перейти в наступление на вторую позицию между Лучки и Яковлево. Левый фланг по р. Ворскле прикрывать третьей сил 167-й пд.

После прорыва второй позиции корпус привести в состояние готовности, чтобы, приняв построение уступом вправо, он мог наступать своими главными силами на северо-восток южнее участка Псел, а правым флангом – через Прохоровку.

³⁹ День «Х–1» – 4 июля 1943 г., «Х» – 5 июля.

4. 48-й тк... во второй половине дня „Х-1“, без использования танков, овладевает предпольем до линии: высоты юго-восточнее, севернее и западнее Бутово, высота южнее Герцовки, лес восточнее Бубны.

В день „Х“ корпус продолжает с достигнутых рубежей наступление через главную полосу обороны противника. После сильной артиллерийской подготовки при поддержке танков корпус продвигается сначала западнее Черкасское, а затем захватывает рубеж обороны противника по обе стороны дороги Бутово, Дубровка. С поворотом на северо-восток выдвинуть вперед танки и нанести удар в направлении Дубровка, имея задачу воспрепятствовать отходу противника на север южнее Ольховки и поддержать наступление 2-го тк СС восточнее р. Ворскла. Использовать со всей решительностью любую возможность для вклинения во вторую полосу обороны противника...

После овладения дорогой Белгород – Обоянь корпус должен быть готовым к продвижению против участка по р. Псел между Ольховским и Шипы»⁴⁰.

Ударную группировку АГ Кемпфа планировалось развернуть правее 4-й ТА, непосредственно в районе Белгорода и южнее. Она была сформирована из двух корпусов (3-й тк и корпус специального назначения «Раус», названный по фамилии его командира генерала танковых войск Э. Рауса) для действий на вспомогательном направлении, с целью создания внешнего фронта окружения войск Рокоссовского и Ватутина. Перед ней стояли две очень сложные задачи – надежно прикрывать правый фланг 4-й ТА, т. е. 2-й тк СС, и по мере продвижения его вперед создавать внешний фронт окружения в Курском выступе. При этом АГ Кемпфа должна была вести активную оборону на собственном правом крыле (42-й ак) для сковывания сил Юго-Западного фронта. На первом этапе осью наступления армейской группы была определена линия г. Белгород – г. Короча – с. Скородное, имевшая протяженность примерно 65 км. В обновленном приказе на операцию «Цитадель» от 1 июня 1943 г. В. Кемпф писал:

«2....4-я танковая армия прорывает оборону противника в направлении на Курск, продвигаясь через рубеж Марьино (27 км севернее ст. Прохоровка) – Обоянь, и устанавливает как можно быстрее связь с наступающей с севера 9-й армией.

3. Армейская группа Кемпфа имеет задачу обеспечить всю операцию, ведя наступление на восток. Для этого она удерживает рубеж на р. Донец от правого фланга до устья р. Нежголь и захватывает рубеж: р. Нежголь – р. Короча до г. Корочи.

Вместе с танковыми силами она наносит удар в общем направлении на Скородное, чтобы взять на себя прикрытие фланга на участке: Короча, излучина Сейма, южнее Мантурово»⁴¹.

Следовательно, задача по прорыву к Прохоровке и достижению главной цели первого этапа наступления – уничтожение советских резервов – ставилась войскам Гота и Кемпфа «не с колес», т. е. уже в ходе операции, как реакция на развитие оперативной обстановки (как было принято считать в советской исторической литературе), а была определена еще в мае, на стадии планирования «Цитадели», и окончательно утверждена за недели до ее начала.

Для прикрытия внешних флангов танковых клиньев ГА «Юг» (армии Гота и группы Кемпфа) планировалось выдвинуть три армейских корпуса, в составе двух-трех пехотных дивизий, усиленных артиллерией и подразделениями штурмовых орудий, но без танков. Им предстояло решать комплекс крайне сложных (учитывая их малочисленность) задач: закреплять захваченную территорию, прикрывать фланги прорыва, а в экстренных случаях выступать «донорами» танковым соединениям для «затыкания дыр» и прикрытия стыков. На левом крыле 4-й ТА находился 52-й ак (57-я, 255-я и 322-я пд), а на правом фланге АГ Кемпфа – ак «Раус» (106-я, 168-я и 320-я пд).

⁴⁰ Курская битва / Под ред. И.В. Пароткина. М., Наука, 1970. С. 516, 517.

⁴¹ Курская битва / Под ред. И.В. Пароткина. М., Наука, 1970. С. 518.

План прорыва первой полосы 6-й гв. А генерал-лейтенанта И.М. Чистякова был относительно простым и потому предсказуемым. Основную надежду Г. Гот возлагал на танки, именно им, при мощной поддержке штурмовых орудий, авиации и артиллерии, предстояло взломать ее в первый день наступления. Найти участок местности для развертывания сразу нескольких крупных танковых соединений перед фронтом армии оказалось не просто. Территория, на которой закрепились гвардейцы, была сложной – равнина, пересеченная большим количеством глубоких, часто заболоченных оврагов, со значительным числом сел и хуторов. По оценке штаба 6-й гв. А, 42 %, или примерно 28 км, ее полосы считались труднопроходимыми для бронетехники. Тринадцать направлений являлись танкоопасными, из которых четыре – главными, на них располагались основные дороги, ведущие на север и северо-восток (на с. Яковлево, Обоянь и т. д.). Каждый из 13 направлений («коридоров») имел ширину от 0,5 до 20 км. На ее левом крыле, перед фронтом 2-го тк СС и правым флангом 48-го тк, находились долины реки Ворскла и ее притока Ворсклицы с болотистой поймой. А в центре, где планировался удар 48-го тк, в 12 км от переднего края, значительная часть второй армейской полосы 6-й гв. А была оборудована по правому берегу р. Пена (в «Пенской дуге»). Долины этих рек уже сами по себе являлись серьезным естественным препятствием для наступления на Курск с юга, а после того как гвардейцы укрепили их в инженерном отношении – превратились в мощный противотанковый рубеж.

Штаб 4-й ТА внимательно изучал данные с постов наблюдения и фоторазведки, поэтому знал, что советские войска с большим размахом вели оборонительные работы на своих рубежах и с высоким мастерством увязывали систему огня с рельефом местности. Вероятно, поэтому Г. Гот решил не рисковать, а выбрал для создания бреши в главной и второй полосах 6-й гв. А, как и предполагало советское командование, испытанный прием – прорыв танковыми клиньями вдоль крупных дорог. Однако главный удар он запланировал нанести не из одного, как раньше практиковалось, а сразу из двух районов: силами 2-го тк СС – по обе стороны дороги Томаровка – Быковка – Яковлево, а 48-го тк – из района Бутово – Черкасское, вдоль дороги на Яковлево. Оба корпуса должны были как можно быстрее встретиться в районе села Яковлево. Стремительный рывок вдоль двух грейдерных дорог позволял обойти труднопроходимые и хорошо укрепленные поймы рек Ворсклы и Ворсклицы, а при удачном развитии наступления, не ввязываясь в тяжелые бои, окружить оборонявшиеся в поймах гвардейские части.

48-й тк генерала танковых войск О. фон Кнобельсдорфа находился в центре боевого построения армии Гота, но в первый день «Цитадели» роль лидера отводилась 2-му тк СС обергруппенфюрера СС П. Хауссера, он должен был пробить себе путь на Прохоровское направление и создать условия в районе с. Яковлево (у шоссе Белгород – Курск) для развертывания ударной группировки 48-го тк. Трем дивизиям 2-го тк СС предстояло преодолеть главную и вторую полосы 6-й гв. А западнее дороги Белгород – Курск и, пробив коридор до Яковлева включительно, развернуться на восток (вправо) к Прохоровке, уступив место более сильному соседу, 48-му тк, который имел задачу: двигаясь к Обояни, прикрывать его левый фланг и вести борьбу с 1-й ТА.

Соединения Кнобельсдорфа и Хауссера являлись одними из лучших подвижных соединений вермахта. Их сильной стороной были почти полная укомплектованность живой силой и техникой, наличие значительного числа модернизированных и новых танков, штурмовых орудий и САУ, в том числе и ПТО, а также большой боевой опыт личного состава, и прежде всего командного звена. Обратимся к основным показателям мощи 48-го тк (3-я и 11-я тд и мд «Великая Германия»). На 1 июля 1943 г. в нем числилось всего 61 692 человека, из них военнослужащих – 59 729 и вольнонаемных – 1963, а в 167-й пд, 2/3 которой были приданы ему, всего 17 837. Кроме того, в 3-й тд находились еще 1106 «хиви». Несколько человек уже в первые дни операции будут захвачены частями 1-й ТА, и оказалось, что они попали в плен к немцам еще под Киевом в сентябре 1941 г. По численности бронетехники корпус Кнобель-

сдорфа был необычным соединением, на 4 июля 1943 г. он имел 595 бронеединиц, в том числе 465 танков, и 133 штурмовых орудия и САУ ПТО «Marder». К началу битвы такого количества техники не было ни в одном корпусе вермахта. Особенно выделялась мд «Великая Германия», которой командовал генерал В. Хейернляйн. Это была самая сильная дивизия немцев из всех, что привлекались для удара на Курск. К началу операции, помимо собственного танкового полка, она получила на усиление 10-ю тбр «пантер», в составе 39-го тп двухбатальонного состава (201 Т-5). Как уже отмечалось, бригада специально была придана корпусу для борьбы с 1-й ТА, которая, как предполагал Г. Гот, должна была вступить в бой именно в его полосе. На 1 июля 1943 г. в мд «Великая Германия» числилось 313 танков (тп и 10-я тбр) и 54 штурмовых орудия и САУ ПТО «Marder», что составило 52,6 % бронетехники всего 48-го тк (313 из 598). Однако, как покажет ход боевых действий уже 5 июля, решение о концентрации столь значительного числа танков и самоходок в руках командования лишь одной дивизии себя не оправдывает. Таким образом, к началу «Цитадели» соединение Кнобельсдорфа по численности было сопоставимо с советской гвардейской общевойсковой армией двухкорпусного состава, такой как, например, 5-я гв. А. В то же время оно располагало и бронетехникой численностью больше, чем имела вся 1-я ТА.

2-й тк СС имел значительно больше личного состава, чем 48-й тк, а бронетехники меньше. К началу летних боев в нем числилось всего по списку 73 380 человек, а боевого состава – 39 106. В том числе в дивизиях СС: «Лейбштандарт» – было всего 22 643, состояло на довольствии 20 933, боевой состав – 12 893; «Дас Райх» – соответственно 20 380, 19 812 и 10 441; «Мертвая голова» – 20 912, 19 176 и 10 214; в корпусных частях – 9445, 8800 и 5558⁴². На 1 июля 1943 г. корпус имел всего 338 танков, из них в строю 294 танка, и 95 штурмовых орудий, в том числе 94 исправных. Причем танковые полки этих соединений имели и довольно высокую степень укомплектованности техникой относительно их штата, и большой процент боеспособных танков. На ту же дату в «Лейбштандарт» числилось 92 танка, или 80,7 % от штата, из которых 86 в строю, или 75,4 % от наличия, «Дас Райх» располагала 117 машинами, т. е. 97,5 % от положенного количества, из них в строю 100 единиц, или 83,3 %, а «Мертвая голова» – 129, или 100 % штата, в том числе 108 исправных, или 83,7 % (см. таблицу № 1а). Основу 1-го тп СС составляли Т-4 с 75-мм орудием, их у него должно было быть 87(76,3 %), а в штатах 2-го и 3-го тп СС преобладали Т-3 с 50-мм пушкой, соответственно 78(65 %) и 86(66,7 %). А особенностью мд СС «Мертвая голова» являлось наличие значительно большего числа противотанковых и артиллерийских орудий, чем в двух других соединениях корпуса: если «Лейбштандарт» и «Дас Райх» полагалось соответственно 20 и 18 ПТО, 48 и 36 арторудий, то «Мертвой голове» – 60 ПТО и 54 арторудия. Кроме того, все три дивизии получили штурмовые орудия (всего 95) и САУ ПТО «Marder» (40), а «Лейбштандарт» и «Дас Райх» восстановили трофейные Т-34, 3 и 18 соответственно. Таким образом, на 1 июля 1943 г. мд СС имели: «Лейбштандарт» – всего 213 танков и стволов артиллерии (без учета трофеев), в том числе в ремонте 8, «Дас Райх» – соответственно 266 и 26 (без учета трофеев), «Мертвая голова» – 282 и 30. Как видно из приведенных данных, по числу основных огневых средств лидировала последняя, но при этом находилась на третьем месте по количеству живой силы в боевых частях и подразделениях.

Кроме того, перед началом «Цитадели» 2-му тк СС был придан 315-й гренадерский полк и дивизион 238-го артиллерийского полка 167-й пд и 3-я минометная дивизия полковника Гревена. Последняя являлась мощным соединением, состоявшим из 1-го учебного, 55-го легкого (159-мм, 210-мм) и одного тяжелого (280-мм, 320 мм) полков, каждый из которых имел примерно 1500 человек личного состава, 54 миномета и по 10 76-мм советских трофейных орудий.

⁴² NARA USA. T. 354. R. 605. F. 000162, 000167, 000169, 000171.

52-й ак генерала пехоты Э. Отта состоял из трех пехотных дивизий: 57-й, 255-й и 322-й. Последняя в течение всей операции «Цитадель», в зависимости от оперативной обстановки, будет несколько раз переподчиняться 48-му тк. На 1 июля в корпусе состояло на довольствии 51 638 человек, в том числе 45 666 военнослужащих и 3411 «хиви».

Таким образом, к началу наступления на Курск в 4-й ТА находилось 223 907 человек, из них служащих СС – 63 290, сухопутных войск – 143 290, «хиви» – 9853, вольнонаемных – 6492⁴³.

Хочу уточнить важный момент. Среди историков, изучающих события лета 1943 г., нет единого мнения по вопросу численности бронетехники в армии Гота. Причем в разных исследованиях приводятся цифры, которые заметно разнятся. Например, Д. Гланц и Д. Хаус утверждают, что приведенные выше данные по 2-му тк СС, которые взяты мною из книги шведских исследователей Н. Цеттерлинга и А. Франксона, относятся к 1 июля, а на 4 июля его численность уменьшилась и составила 356 танков и 96 штурмовых орудий⁴⁴. Нет ясности с численностью техники и в 48-м тк. По данным американских историков, на 1 июля он имел 535 танков и 66 StuG, а 4 июля его численность существенно уменьшилась и составила – 464 танка и 89 StuG. Документы 4-й ТА и ГА «Юг», которые мне удалось обнаружить, свидетельствуют, что, несмотря на ряд погрешностей, допущенных шведскими исследователями в своей книге, их данные более точные, поэтому в моей работе в основном будут использоваться именно они. Численность бронетехники в танковых дивизиях 4-й ТА и АГ Кемпфа на 4 июля 1943 г. приведена в **таблице № 1**.

Итак, к началу операции «Цитадель» (4 июля 1943 г.) в трех танковых корпусах ГА «Юг», нацеленных на прорыв обороны Воронежского фронта, насчитывалось 1168 танков, 361 StuG и САУ ПТО «Marder», в том числе в 4-й ТА – 824 танка и 282 StuG и САУ ПТО «Marder». Особое внимание обращает на себя тот факт, что в ударных корпусах армии Гота подавляющее большинство были средние и тяжелые линейные танки (Т-3, Т-4, Т-5 и Т-6): в 48-м тк – 93 %, а во 2-м тк СС – почти 83 %. Причем в соединении Кнобельсдорфа более 46 % – это «пантеры» и «тигры». После Курской битвы возможности собрать столь значительное число танков для проведения наступательной операции в рамках группы армий у командования вермахта больше не будет.

В то же время нельзя не отметить и тот факт, что германская сторона испытывала большие трудности с пополнением танковых дивизий материальной частью. В особо сложном положении находилась 3-я тд 48-го тк, к началу боев она была самым слабым соединением не только 4-й ТА, но и среди всех трех корпусов ГА «ЮГ», выделенных для «Цитадели».

Кроме того, в войсках Манштейна не была завершена реорганизация танковых и моторизованных дивизий. Так, например, в 1-м тп мд СС «Лейбштандарт» личный состав 1-го тб полностью убыл в Германию для получения «пантер» и к началу Курской битвы еще не вернется. Поэтому полк на протяжении всей операции будет действовать лишь 2-м тб в составе шести рот: трех линейных, 13-й тяжелой, роты управления и инженерной. Вместе с тем ряд соединений не получили специальных машин, в частности командирских танков, не были полностью укомплектованы и ряд линейных и саперных батальонов бронетранспортерами.

Завершая характеризовать боевой потенциал ударной группировки Гота, хочу особо подчеркнуть, что, хотя германское командование постаралось достаточно сбалансированно распределить имевшиеся силы с учетом поставленных задач, 4-я ТА после выделения ей всей бригады «пантер» имела избыточное количество бронетехники, в то время как 9-я А испытывала ее острый недостаток. Вместе с тем, как покажут события 5 июля 1943 г., Г. Гот не сумел правильно распорядиться представившимися возможностями. Как уже отмечалось, выдвинув все

⁴³ NARA USA.T. 313. R. 390. F. 00057.

⁴⁴ Glanz D., House J. The Battle of Kursk. University Press of Kansas, 1999. P. 350, 351.

танковые соединения в первую линию и сосредоточив чрезмерно большое число бронетехники на своем левом крыле, командующий, во-первых, изначально лишил себя возможности влиять на оперативную обстановку, во-вторых, создал столпотворение танков и штурмовых орудий в полосе 48-го тк, что приведет в конечном счете к срыву графика наступления и большим неоправданным потерям.

Откровенно слабо были подготовлены и укомплектованы ударные соединения АГ Кемпфа. Стоявшие перед группой задачи и численность войск, выделенных для их решения, лишний раз подчеркивают авантюрный характер всего плана «Цитадель». Группировка Кемпфа насчитывала менее 100 000 человек, из них около 34 000 находились в боевых соединениях. Она имела 825 орудий и минометов, 216 зениток, в том числе 72 88-мм орудия, 407 танков, штурмовых орудий и САУ ПТО «Marder». Ей противостояла 7-я гв. А генерал-лейтенанта М.С. Шумилова. В ее частях и соединениях численность 78 831 человек, 1974 орудий, САУ и минометов, 45 установок БМ-13, 224 танка⁴⁵. Очевидно, что при таком соотношении сил и средств удерживать оборону на протяженном фронте и одновременно прорывать эшелонированные рубежи, поспевая за 4-й ТА, у которой одной бронетехники было в три раза больше, Кемпф мог с большим трудом. При этом, чтобы выполнить поставленные задачи, его войскам требовалось как минимум в два раза больше времени, чем предполагал и план «Цитадель», и расчеты Э. фон Манштейна и Г. Гота относительно ее первого этапа. Для «армирования» ударного клина командование ГА «Юг» передало В. Кемпфу новые танки, но их было мало: 4-я ТА получила 257 «тигров» и «пантер», а АГ Кемпфа – 45. При этом, несмотря на вполне обоснованные просьбы командования группы, к началу Курской битвы численность 3-го тк так и не была доведена до штата ни по бронетехнике, ни по артсредствам.

Чтобы решить главную задачу первого этапа – надежно прикрыть соединения Гота, В. Кемпфу было необходимо выдержать темп движения, с которым должен был наступать корпус Хауссера. Но 2-й тк СС был не только сильнее, но и находился в более выгодном положении, чем 3-й тк. В первый день наступления корпусу Брейта предстоит форсировать Северный Донец и приступить к прорыву глубокоэшелонированной обороны 7-й гв. А. Эту задачу должны были решать не танковые, а пехотные дивизии, именно они были для этого предназначены, но их в ГА Кемпфа катастрофически не хватало. Кроме того, они имели значительный недокомплект личного состава. Так, по воспоминаниям Э. Рауса, на Донецком фронте *«одна дивизия, состоявшая всего из двух пехотных полков, должна была удерживать полосу шириною 145 километров»*⁴⁶. Тем не менее сложное положение с бронетехникой в 3-м тк заставило В. Кемпфа отказаться от передачи Э. Раусу даже части танков и сконцентрировать все приданные подразделения (батальон «тигров») только в полосе наступления танковых дивизий. Командующий ГА «Юг» не мог не понимать, что если армейская группа, по очевидным причинам, не выполнит намеченного, то на всем плане операции, в том числе и его с Г. Готом замысле – уничтожить русские оперативные и стратегические резервы, можно поставить крест. Однако фельдмаршал сознательно шел на риск. Учитывая, что Гитлер не выделил даже минимума резервов ГА «Юг», особенно выбирать ему было не из чего, Э. фон Манштейн был вынужден передать лучшие соединения и большую часть техники в 4-ю ТА.

На стадии планирования «Цитадели» Э. фон Манштейн предполагал получить дополнительно девять пехотных дивизий, но у Гитлера войск уже не было. Он подчинил ему 24-й тк генерала В. Неринга в качестве резерва, при этом отдал приказ – вводить его в бой лишь с его личного разрешения. Фельдмаршал прекрасно был осведомлен о проблемах комплектования техникой и личным составом своих дивизий и понимал, что к началу наступления они не будут решены. Тем не менее нельзя сказать, что он изначально считал наступление войск Кемпфа

⁴⁵ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 426. Л. без номера.

⁴⁶ Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. М., Яуза, ЭКСМО, 2006. С. 68.

бесперспективным мероприятием, на которое всерьез вряд ли стоит рассчитывать. Он верил в силу и высокий уровень их подготовки. При этом, похоже, в его расчетах присутствовал и определенный элемент недооценки советской стороны. Фельдмаршал еще находился в плену прежних представлений о Красной Армии, считая, что перед ним все та же, что и в 1941-м, и в середине 1942 г., плохо вооруженная, слабо подготовленная и неумело управляемая командным составом. Косвенным подтверждением этого может служить и график операции «Цитадель». Согласно этому документу, 5 июля 1943 г. ударная группировка Гота должна была прорваться вглубь обороны Воронежского фронта более чем на 30 км. Примерно таким темпом шел корпус Манштейна по западным областям СССР летом 1941 г. Стимулировать подобное представление вполне мог и успех боев под Харьковом в начале 1943 г.

По расчетам германского командования, при решении задач, определенных в плане «Цитадели», особенно на первом этапе наступления, особую роль должны были играть люфтваффе. Наряду с танковыми дивизиями и артчастями, авиасоединениям предстояло стать одним из главных таранов, с помощью которых предполагалось крушить советскую оборону. В состав ГА «Юг» входил 4-й воздушный флот под командованием генерала зенитной артиллерии О. Десслоха. Ему подчинялись 1-й, 4-й и 8-й авиакорпуса. Последний, в ходе наступления на Курск, был нацелен специально для поддержки 4-й ТА и АГ Кемпфа. Командовал соединением генерал авиации Г. фон Зайдеман, сменивший весной 1943 г. на этом посту любимца Гитлера генерала В. фон Рихтгофена. К началу боев 8-й ак имел в своем составе 1556 самолетов, из которых 1200 находились в строю. В том числе: 8 групп бомбардировщиков (270 самолетов), шесть истребительных групп (240), восемь групп штурмовиков (330), соединение разведки (182 единицы, в том числе и одна штурмовая группа 60 единиц) и венгерская авиадивизия, численностью 90 самолетов⁴⁷.

«Генерал Десслох определил задачу 8-му ак как оказание непосредственной поддержки 4-й ТА и армейской группы Кемпфа, – вспоминал Г. фон Зайдеман. – Я получил распоряжение сосредоточить мои соединения только на направлении главного удара, что означало оказание поддержки пехоте в других районах только в случае крайней необходимости. Авиасоединения, включая соединения бомбардировщиков, я должен был применять над полем сражения только для тактических заданий. Стратегические цели в тылу русских можно было атаковать только в тех случаях, когда будут замечены передвижения войск в районе Обоянь – Курск или на железной дороге у Старого Оскола или Валук.

*Генерал Десслох запретил мне также наносить обычные удары по советским аэродромам в начале операции. Мои самолеты должны были появляться над полем сражения не раньше начала наступления. Для этого решения были две причины, первая из них – вера в то, что подобная тактика позволит нам достичь тактической внезапности. Помимо этого генерал Десслох понял, что атаки против аэродромов русских, хотя, без сомнения, и нанесут ущерб, не будут иметь продолжительного эффекта ввиду нескончаемого потока пополнений советских самолетов, который будет компенсировать любые потери, нанесенные 8-м ак»*⁴⁸.

Таким образом, все усилия авиации, направленной на поддержку войск Гота и Кемпфа, сосредотачивались только для прорыва глубокоэшелонированной обороны Воронежского фронта и обеспечения действий боевых групп танковых дивизий. Это был достаточно необычный на тот момент тактический прием. Он лишний раз свидетельствовал о том, какое важное значение придавало командование ГА «Юг» выполнению задач первого этапа операции.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что план «Цитадель» – это в значительной степени политическая акция руководства фашистской Германии. Ее армия в тот момент не была готова к проведению столь масштабного наступления, а цели, поставленные перед ней,

⁴⁷ Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. М., Яуза, ЭКСМО, 2006. С. 239, 240.

⁴⁸ Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. М., Яуза, ЭКСМО, 2006. С. 241.

были недостижимы. Во-первых, вермахт, бросая на Курск фактически все свои резервы, оставался ни с чем. Для любого командира на войне – это первый признак грядущего поражения. Во-вторых, и в Берлине, и в Цоссене знали, что детально план наступления самой мощной ударной группировки под Курском – ГА «Юг» – разработан лишь на несколько суток вперед, т. е. до завершения боев за Прохоровку. Что будет дальше и с чем останется Г. Гот после этого сражения, никто не знал. Схожая ситуация наблюдалась и с планом наступления 9-й А. Как должны были действовать войска до прорыва к высотам южнее Понырей – более или менее было понятно, а дальше туман. Поэтому многим историкам, даже сегодня, до конца не понятно: какой главный мотив для руководства вермахта стал определяющим, чтобы оно столь настойчиво поддержало решение, лишавшее его возможности влиять на оперативную обстановку на всем Восточном фронте в условиях, когда успех столь масштабной операции был далеко не очевиден даже ему.

Тем не менее следует признать, что в неблагоприятных условиях германскому командованию, исходя из тех задач, которые оно перед собой ставило, удалось выработать оптимальный план действий и достаточно хорошо подготовить войска к Курской битве. Что позволит в значительной мере добиться реализации целей, поставленных на первом этапе операции, – нанесение тяжелых потерь советским войскам, и в первую очередь оперативным и стратегическим резервам. Однако этот авантюрный по своей сути план нанесет очень сильный удар и по вермахту. После краха «Цитадели» инициатива в войне полностью перейдет в руки Красной Армии, и вооруженные силы Германии окажутся уже не в состоянии провести ни одной стратегической наступательной операции на Восточном фронте. А советские войска двинутся на запад к границам рейха, чтобы стереть с лица земли нацистскую заразу.

1.2. «Главное – выбить их танки на подготовленных рубежах!»

Разработка замысла летней кампании 1943 г. Красной Армии шла практически параллельно с планированием операции «Цитадель», некоторые моменты совпадают до дня. Активная работа над ним в Ставке ВГК и Генеральном штабе развернулась во второй половине марта, а окончательный вариант был подготовлен в конце июня. В этот период у советского военно-политического руководства, как и у Берлина, тоже не было единого взгляда на то, следует ли нанести упреждающий удар или перейти к обороне. Например, командование Центральным фронтом, который удерживал северо-западную и северную часть Курской дуги, в начале апреля считало, что, пока вермахт не пополнил свои войска, советская сторона имеет преимущество, поэтому следует наступать первыми. В мае эту точку зрения поддерживали генерал армии Н.Ф. Ватутин, командующий Воронежским фронтом, развернутым в южной и юго-западной половине дуги, а также генерал-полковник Р.Я. Малиновский, возглавлявший соседний, Юго-Западный фронт, который предложил нанести упреждающий удар в Донбассе. Однако две ключевые фигуры в руководстве Красной Армии – заместитель Верховного главнокомандующего Маршал Советского Союза Г.К. Жуков и начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А.М. Василевский – с момента начала выработки замысла летней кампании и до начала боев придерживались единой точки зрения. Они считали, что на первом этапе надо отдать инициативу в руки противника, встретить его на своих хорошо оборудованных позициях и, обескровив его, затем нанести мощный удар сформированными заранее стратегическими резервами. Позиция маршалов, опиравшаяся и на их личные впечатления, полученные во время работы на фронтах, и на широкую базу стратегической информации, поступавшую в Москву, в начале планирования консолидировала основную часть командного звена вокруг их идеи, что оказало существенное влияние на успех Красной Армии в предстоящей битве.

Обсуждение в узком кругу высшего командного состава Красной Армии основных вариантов решения – первыми наступать или перейти к временной обороне – проходило между 27 марта и 12 апреля 1943 г. В это время оба маршала побывали в войсках под Курском, чтобы провести оценку обстановки и состояния войск. Кроме того, А.М. Василевский поручил Главному разведывательному управлению и Управлению войсковой разведки Генштаба систематизировать все имевшиеся данные о намерениях германского командования на ближайшее время и его конкретных шагах в этом направлении и представить их в виде аналитической записки. 10 и 12 апреля по распоряжению Ставки ВГК свои соображения по этой проблеме доложили Военные советы Центрального и Воронежского фронтов, а чуть раньше, 8 апреля, И.В. Сталину свой доклад представил Г.К. Жуков. В нем он высказал следующее предложение, которое и легло в основу ключевых решений, принятых на совещании в Ставке 12 апреля 1943 г.: *«Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем введем свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника»*⁴⁹.

Следует отметить, что советская сторона имела возможность сразу после завершения распутицы первой нанести мощный удар, чего, кстати, командование вермахта не без основания опасалось. Однако Москва выбрала иной путь. На совещании, состоявшемся вечером 12 апреля 1943 г., где присутствовали И.В. Сталин, Г.К. Жуков, А.М. Василевский и его заместитель генерал-полковник А.И. Антонов, после анализа представленной Генеральным штабом

⁴⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., Новости, 1990. С. 15.

и Военными советами фронтов информации были приняты следующие решения. Во-первых, перейти к временной обороне по всему советско-германскому фронту. Во-вторых, район Курской дуги был определен как наиболее вероятный, где противник в ближайшее время может нанести главный удар, поэтому К.К. Рокоссовский и Н.Ф. Ватутин получали приказ: начать разработку плана оборонительной операции и развернуть активную работу по восстановлению войск. Напомню, что именно в этот день, 12 апреля 1943 г., был подписан приказ командования ГА «Центр» и проект плана операции «Цитадель» (приложение к приказу)⁵⁰, а через трое суток, 15 апреля, на стол Гитлеру лег подготовленный проект приказа № 6 о переходе в наступление двух ударных группировок в районе Курского выступа⁵¹.

Принятие этого решения требовало от советского Верховного командования мобилизации всех сил, масштабных организационных мероприятий и, главное, большой веры в стойкость своих войск, в способность командного звена организовать успешный отпор противнику, т. к. в предыдущий период, в 1941–1942 гг., советская полевая оборона, как правило, не выдерживала сильных танковых ударов вермахта при поддержке авиации. В лучшем случае их удавалось остановить не в тактической полосе и даже не в оперативном тылу, а в глубине страны, наспех формируя новые армии и даже фронты. При этом Красная Армия несла значительные потери, а вермахт занимал большие территории. Допустить повторение подобного в 1943 г. Москва не могла. Курский выступ удерживали два фронта общей численностью более одного миллиона человек. Разгром столь мощной группировки имел бы тяжелейшие последствия. Поэтому И.В. Сталин поставил перед Генеральным штабом и командованием фронтов задачу: ни в коем случае не допустить глубокого вклинения танковых группировок немцев в оборону войск Рокоссовского и Ватутина, остановить их не далее второй армейской полосы и, главное, максимально обескровить.

Разработка (и доработка) плана отражения удара на Курск, который был реализован в июле 1943 г., шла довольно долго. Его основа – единая Курская оборонительная операция Центрального и Воронежского фронтов – была подготовлена их штабами в конце апреля, после чего проверена Генеральным штабом и тогда же утверждена Ставкой ВГК. Москва рассчитывала на численное превосходство Красной Армии, поэтому изначально под Курском должна была возводиться обычная для того времени система обороны, т. е. не глубоко эшелонированная. Предполагалось, что удар противника будет сильным, но советские войска его отразят быстро и сразу же перейдут большими силами в решительное контрнаступление. Только со второй половины мая план операции и оборона на обоих фронтах постепенно начали приобретать иную форму. «Изюминкой» этого, по сути второго, варианта плана отражения удара должна была стать глубокоэшелонированная система полевой обороны с многочисленными сложными инженерными заграждениями, сооружениями и препятствиями от переднего края Центрального и Воронежского фронтов и вплоть до р. Дон, т. е. глубиной примерно 300 км, в которой предусматривалось на главном направлении создание за первым стратегическим эшелоном (на Воронежском фронте – это 6-я гв. А) создание «бронированного пояса» из подвижных соединений (на юге из корпусов 1-й ТА и 5-го гв. Стк). Танковые корпуса и армии предполагалось использовать и для усиления пехоты, и для нанесения массированных контрударов по вклинившимся группировкам. До этого момента, т. е. мая, столь масштабных оборонительных рубежей ни одна из противоборствующих сторон в районе Курской дуги не возводила и не планировала. С конца марта и до начала мая их войска занимались закреплением занятой территории по обычной схеме (рыли траншеи, оборудовали огневые точки, строили систему огня и т. д.) и усилением танкоопасных направлений.

⁵⁰ Курская битва / Сбор. под ред. И.В. Паротькина. М., Наука, 1970. С. 508–513.

⁵¹ Курская битва / Сбор. под ред. И.В. Паротькина. М., Наука, 1970. С. 520–523.

Как же создавалась и выглядела к началу боев эта, ставшая впоследствии широко известной система в полосе Воронежского фронта, о которую «сломают зубы» ГА «Юг» фельдмаршала Э. фон Манштейна? Войска Ватутина окончательно остановили продвижение ее ударных группировок к 26 марта 1943 г. и заняли рубежи: Снагость, Бляхова, Алексеевка, совхоз «им. Молотова», х. Волков, Битица, Ольшанка, Диброва, Глыбня по правому берегу р. Сыроватки до /иск./ Краснополье, /иск./ Ново-Дмитриевка, Высокий, Завертячий, Надежда, Новая Жизнь, Трефиловка, Березовка, Триречное, Драгунское, Задельное, /иск./ Ближняя Игуменка, Старый Город и далее по левому берегу р. Северный Донец до села 1-е Советское.

В первом эшелоне фронта находились (с правого фланга на левый): 38-я А генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова, 40-я А генерал-лейтенанта К.С. Москаленко, 21-я А (6-я гв. А⁵²) генерал-лейтенанта И.М. Чистякова, 64-я А (7-я гв. А⁵³) генерал-лейтенанта М.С. Шумилова; во втором: 69-я А генерал-лейтенанта В.Д. Крюченкина. Резерв командующего фронтом состоял из 2-го гв. Тацинского и 5-го гв. Сталинградского танковых и 7-го (35-го гв.) стрелкового корпусов.

В 16.00 25 марта командарм И.М. Чистяков подписал приказ № 5 о переходе своих войск, которые прибывали из Сталинграда и разворачивались на основном танкоопасном направлении – Обоянско-Прохоровском, к обороне. В документе в первую очередь были четко определены полосы для соединений, разворачивавшихся в первом эшелоне:

«1. Армия 26.3.1943 г. переходит к обороне на рубеже: ст. Сумская, Триречное, Петропавловка....

4. 52-й гв. сд оборонять полосу: лог Лапин, Гремучий, Козьмо-Демьяновка, имея передний край на рубеже: лог Лапин, Каменный лог, выс. 216.5, Гремучий. Новую полосу обороны занять в ночь на 26.3.1943 г. Особо прочно прикрыть направления: Красный Острожек, Быковка, Шоино, Яковлево.

ПО дивизии иметь на линии: Драгунское – Яхонтов.

КП дивизии – Козьмо-Демьяновка.

Граница слева: Редилровка, /иск./ Раково, свх. „Смело к труду“ (южн.), /иск./ Крюков, /иск./ Шахово, /иск./ Правороть.

5. 375-й сд в ночь на 26.3.43 г. перейти к обороне полосы: Ерик, Петропавловка, Гостицево с передним краем на рубеже: лес севернее Ерика, далее по ручью до шоссе, северная половина Шоино, отм. 178.7, южная окраина Петропавловки, /иск./ Шишино. Один стрелковый полк иметь на участке: Ерик, Терновка, Сошенков, второй – /иск./ Терновка, Петропавловка, Киселево. На левом фланге встык с 64-й А иметь один сб в первом и другой сб во втором эшелоне, организовав надежное обеспечение стыка с правым флангом частей 64-й А. Резерв командира дивизии – один сб в районе Гостицево.

ПО дивизии иметь на рубеже: Раково, Четная Поляна.

КП дивизии – Сошенков.

Граница слева – граница армии.

6. 67-й гв. сд в ночь на 26.3.43 г. последовательным выдвижением дивизии занять: выс. 237.8 (юго-западнее Черкасское), /иск./ Бутово, Триречное, Луханино, обратив особое внимание на направление: Высокий, Черкасское. ПО дивизии иметь на рубеже: Бутово, Драгунское.

КП – Луханино.

Граница с 71-й гв. сд: /иск./ Борисовка, Локня, /иск./ Раково, /иск./ Новоселовка.

Граница слева: Калиновка, Пушкарное, /иск./ выс. 228.6, /иск./ выс. 233.6, Яковлево, Андреевка»⁵⁴.

⁵² С 17.04.1943 г. 21-я А будет переформирована в 6-ю гв. А.

⁵³ С 17.04.1943 г. 64-я А будет переформирована в 7-ю гв. А.

⁵⁴ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 217. Л. 11, 12.

К концу апреля линия обороны дивизий на главной армейской полосе будет несколько скорректирована:

«71-я гв. сд займет участок: ст. Сумская, клх. „Восход“, выс. 237,8, 67-я гв. сд – лиск./ выс. 237,8, Триречное, лиск./ выс. 233,6, 52-я гв. сд – выс. 233,6, Березов, лиск./ Ерик, 375-я сд – Ерик, Шопино, Беломестное, Черная Поляна»⁵⁵. На этих рубежах днем 4-го и на рассвете 5 июля 1943 г. их бойцы и командиры вступят в бой с боевыми группами соединений 4-й ТА ГА «Юг».

Как свидетельствуют материалы, обнаруженные в ЦАМО РФ, несмотря на резкое снижение активности германских войск после захвата Белгорода корпусом СС 18 марта, командование Воронежским фронтом тем не менее ожидало большого немецкого наступления не только после завершения распутицы, т. е. в конце апреля – начале мая, но даже в начале апреля. Поэтому в 17.45 31 марта 1943 г. Н.Ф. Ватутин подписал очень важный и для войск фронта, и для понимания его дальнейших шагов, приказ № 0093, в котором говорилось:

«1. Противник, выйдя на линию р. Сев.[ерский] Донец, Беломестная, Раково, Пушкарное, Фастов, Солдатское, Теребрино, Краснополье, Бол[ышая] Чернетчина, Хотень, Вишневка, закрепляется на достигнутом рубеже. За последние дни нашей разведкой установлены оборонительные работы по всему фронту и подтягивание частей из глубины. В район Муром, Белгород, Томаровка противник собрал четыре тд корпуса СС. Против 40-й А противник развернул в первой линии три тд. Против 38-й А противник подтянул до четырех пехотных дивизий. Одновременно установлено сосредоточение авиации. По всем данным, противник готовит новый удар и не исключена возможность перехода его в наступление в ближайшие дни.

2. Армии Воронежского фронта, находясь в постоянной боевой готовности к отражению возможных атак противника, совершенствуют оборону, прочно удерживают занимаемые рубежи, ведут разведку и частными атаками улучшают свое положение.

3. В целях более успешного выполнения поставленных перед фронтом задач и более плотного занятия обороны я решил: путем перегруппировок усилить правый фланг фронта и особенно прочно занять направления Белгород, Обоянь; Белгород, Короча; Волчанск, Новый Оскол. Создать большую глубину обороны, для чего занять войсками не только главную оборонительную полосу, но также промежуточные и тыловые рубежи и иметь сильные ударные группы для производства контрударов и перехода в контрнаступление.

4. Приказываю: командирам всех степеней, их штабам и политработникам сосредоточить все усилия на быстрейшем укомплектовании, довооружении и полном восстановлении боеспособности войск. Проявить для этого кипучую энергию с тем, чтобы к 10.4.1943 г. иметь дивизии, полностью вооруженные и доведенные до 7–8 тысяч человек, стрелковые бригады до 5 тысяч человек, а все прочие средства усиления также привести в полную боеспособность. Немедленно развернуть во всех частях и соединениях интенсивную боевую подготовку»⁵⁶.

В документе ясно обозначены три главных направления, на которых, по мнению командования фронтом, немцы наиболее вероятно нанесут главный и вспомогательный удары. Однако, судя по имеющимся документам с момента стабилизации обстановки в конце марта и до начала боев, Н.Ф. Ватутин считал, что если наступление начнется, то главные силы ГА «Юг» будут действовать у дороги Белгород – Обоянь (или Обоянское шоссе), т. е. через полосу 6-й гв. А. Это был самый короткий и удобный путь из района Белгорода к Обояни и далее на Курск, здесь же находились два из четырех самых крупных танкопроходимых «коридоров» (с пропускной способностью дивизии и выше): шоссе Белгород – Обоянь и участок Томаровка – Обоянь. А вспомогательный удар, по его мнению, вероятно, должен был быть нанесен по 7-й гв. А.

⁵⁵ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 256. Л. 8.

⁵⁶ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 1.

Поэтому уже в приказе № 0093 командармам И.М. Чистякову и М.С. Шумилову поручалось принять на усиление из состава фронта ряд соединений и оперативно привести их в порядок:

«в) Командующему 21-й А принять дополнительно в состав армии 160-ю сд, четыре иптап, две ибр, три инжбат.

Прочно удерживать занимаемый рубеж с передним краем по линии Сумовская, Дмитриевка, Черкасское, Триречное, Ново-Александровка, Березов, Ерик, Шопино, Черная Поляна.

Построить оборону и создать группировку согласно прилагаемой карте. Обеспечить стык с 40-й и 64-й А.

Подготовить сильный фланговый огонь перед правым флангом 64-й А.

На левом фланге армии немедленно вынести передний край главной оборонительной полосы на линию Шопино, Черная Поляна, сменив незамедлительно на этом участке части 64-й А.

Путем последовательного проведения отлично подготовленных частных атак постепенно вынести передний край обороны на линию: Трефиловка, Зыбино, Томаровка, Быстрый, южн. окр. Белгорода и на всем фронте создать предполье. При проведении частных атак не ослаблять и не нарушать системы огня и обороны на переднем крае главной оборонительной полосы. План частных атак представить мне на утверждение к 12.00 2.4.1943 г.

Штарм – Кочетовка.

Разгранлиния слева: (иск.) Велико-Михайловка, Нечаево, Щелино, Черная Поляна.

г) Командующему 64-й А – принять дополнительно в состав армии 8-ю ибр...

Прочно удерживать занимаемый рубеж с передним краем по вост. берегу р. Сев[ерский] Донец от Черная Поляна до (иск.) 1-е Советское и ни в коем случае не допустить переправы хотя бы одиночных солдат противника через р. Сев[ерский] Донец... Волчанск подготовить к обороне и иметь в нем сильный гарнизон от 36-й гв. сд.

Обеспечить стык с 21-й А и армией Юго-Западного фронта. Построить оборону и создать группировку сил согласно прилагаемым картам...

Штарм иметь – Протопоповка»⁵⁷.

Таким образом, как следует из приказа № 0093, главные усилия генерал армии решил сосредоточить на укреплении 164-километрового участка центра и левого крыла фронта (68 % от общей протяженности его передовой линии). К июлю 1943 г. здесь будет находиться 83 % всех стрелковых дивизий, до 90 % танков и САУ и более 86 % артиллерии фронта⁵⁸. Из 35 гвардейских и обычных стрелковых дивизий, которыми к началу июля 1943 г. будет располагать Воронежский фронт, на главной полосе (в первом эшелоне армий) Н.Ф. Ватутин развернет 17, оставшиеся 18 – на второй, тыловой и в резерве. Следовательно, на одну дивизию в среднем будет приходиться 14,5 км фронта обороны. Учитывая особенности местности на танкоопасных направлениях, участки некоторых соединений будут сокращены до 12–13, а на второстепенных увеличены до 16–20 км. Боевой и численный состав 6-й гв. А, занимавшей оборону на направлениях главного удара ГА «Юг», приведены в **таблице № 2**.

При планировании отражения удара на Курск важным и, как покажут дальнейшие события, очень эффективным решением стало использование для удержания рубежей стрелковых соединений не только танковых частей НПП, но и крупных подвижных соединений и объединений. Весной Ставка ВГК каждому из фронтов, оборонявших выступ, передала по одной танковой армии и два отдельных танковых корпуса. С момента перехода Воронежского фронта к обороне в первом эшелоне танковых войск находились отдельные танковые полки, бригады и самоходно-артиллерийские полки, они подчинялись заместителю командующего общевойсковыми армиями по БТ и МВ. В апреле – мае в некоторых армиях их передали командирам

⁵⁷ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 2.

⁵⁸ Габов С. Саперы огненной дуги. Воронеж, Центрально-Черноземное издательство, 1987. С. 47.

дивизий первого эшелона (на главной полосе) в качестве подвижного резерва и разрешали их использовать в противотанковых опорных пунктах как неподвижные ОП. Наибольшим их числом располагала 7-я гв. А: три полка (один тяжелый), две бригады и два сап (один тяжелый). Связано это было с тем, что на местности, где оборонялась армия Шумилова, использовать крупные соединения было затруднительно, поэтому существенные силы бронетехники передали именно в стрелковые дивизии для НПП, хотя как один из вариантов здесь планировалось задействовать и 2-й гв. Ттк, но в крайнем случае. Полосу 6-й гв. А изначально готовили для отражения главного удара, поэтому переданные И.М. Чистякову весной два танковых полка (230-й и 245-й отп), одна бригада (96-я отбр) и один сап (1440-й сап) рассматривались лишь как усиление пехоты на основных направлениях главной полосы на первые 1–2 дня операции. Главные же силы бронетехники предполагалось развернуть за спиной гвардейцев. Во второй половине мая было принято решение о том, что с началом боев на вторую полосу армии должны выйти 1-я ТА, 2-й гв. Ттк и 5-й гв. Стк. К этому времени они считались вторым эшелоном танковых войск, располагались на расстоянии 32–50 км от переднего края главной полосы и подчинялись непосредственно командующему фронтом, составляя ударную группу для нанесения контрударов. *«Второй, бронетанковый, эшелон обороны был основным маневренным ударным средством, – писал участник Курской битвы маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджян. – С его помощью советское командование рассчитывало изменить и изменило ход оборонительного сражения в свою пользу. Использование крупных соединений и объединений бронетанковых войск при ведении оборонительной операции для удержания полосы обороны в глубине – второй и тыловой оборонительных полос общевойсковых армий – было новой формой оперативного применения танковых войск, резко увеличивало устойчивость оперативной обороны и позволило отражать атаки крупных танковых масс противника»*⁵⁹.

Второй главной задачей после разработки плана операции, решение которой занимало значительную часть времени командующего весь подготовительный период к отражению вероятного удара вермахта, стала разработка системы полевой обороны и ее строительство. С мая, как уже упоминалось, она начнет трансформироваться в глубокоэшелонированную, поэтому масштаб фортификационных работ и контроль за ними заметно возрастет. Основными ее элементами станут три армейские полосы общей глубиной от 30 до 50 км:

1. Передний край главной полосы, которая начала укрепляться с начала апреля, проходил по рубежу, достигнутому в конце марта. Она имела протяженность по начертанию переднего края 245 км.

2. Вторая полоса (передний край) пролегла по линии: Любимовка, Басовка, Олешня, Тарасовка, Вел. Рыбица, Стрелки, Угроды, Репяховка, Семейная, Ракитное, Васильевка, Алексеевка, Дмитриевка, /иск./ Петровский, Сажное, Шляховое, Мясоедово, Шебекино, Поклонное (?). Ее общая протяженность равнялась 216 км.

3. Третья (тыловая) армейская, протянувшаяся на 250 км, шла через: Малая Локня, Суджа, Уланок, Камышное, Пресечное, Корочка, Обоянь, Шипь, Богородецкое /иск./, Тетеревино, Жимолостное, Новоселовка, Выползовка, Мазикино, Сороковка, Прудки, Основка, Белянка, Рыбалка, Ефимовка, Нечаевка⁶⁰.

Тогда же за армейскими полосами начнется строительство трех оборонительных (фронтowych) рубежей Воронежского фронта на глубину 180–200 км и первого стратегического рубежа восточнее Курского выступа (в районе р. Кшень) силами Степного военного округа, а по левому берегу Дона – еще и государственного рубежа обороны.

Кроме того, на случай вклинения противника в армейские полосы 40-й и 6-й гв. А было запланировано возвести отсечные и промежуточные позиции общей протяженностью 134 км, а

⁵⁹ Бабаджян А.Х. Дорогами победы. М., Воениздат, 1981. С. 126.

⁶⁰ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 1, 2.

также промежуточный рубеж для фронтового резерва (35-й гв. ск, 86 км) и фронтовой отсечный рубеж (125 км). В этой системе полос и рубежей обращает на себя внимание отсутствие отсечных позиций к югу от ст. Прохоровка в районах нахождения 69-й и 7-й гв. А, которые удерживали корочанское направление. Эту особенность в ходе реализации плана «Цитадели» успешно использует командование армейской группы Кемпфа: после прорыва главной полосы 7-й гв. А оно повернет основные силы на север, и они начнут «сматывать» слева оборону гвардейцев Шумилова.

Таким образом, к началу боев система обороны Воронежского фронта должна была иметь (и таковой стала) на всех направлениях не менее пяти полос, эшелонированных на глубину 100 км.

Подготовительный период к Курской битве в войсках Ватутина длился с 27 марта по 2 июня 1943 г. Его армии начали создавать оборону с расчистки территории, где они развернулись (к тому времени площадь фронта составляла 18 600 кв. км), приведения в порядок основных транспортных коммуникаций и восстановления инфраструктуры. Как выглядела эта местность после зимних боев, некоторое представление дает шифровка заместителя начальника Генштаба Красной Армии генерал-полковника А.И. Антонова от 10 апреля 1943 г. на имя начальника штаба фронта: *«По данным Генерального штаба, армейские и фронтовые дороги на участках: Новый Оскол – Короча – Обоянь, Старый Оскол – Тим – Курск и др. находятся в трудно проходимом состоянии, а некоторые из них почти абсолютно непроходимы. В районе Старого Оскола и Тима большое количество неубранных человеческих и конских трупов, что может привести к заражению источников и распространению эпидемических заболеваний. В этих же районах большое количество разбитых танков, автомашин, снарядов и мин. Прошу проверить и принять срочные меры по устранению указанных фактов. Об исполнении донести»*⁶¹. Даже в последние недели оккупации местное население занималось расчисткой дорог, но после отхода германских войск на отдельных участках они были заминированы, мосты взорваны, а затем пришла распутица и дороги превратились в непроходимые направления. Сбор трупов проводился и раньше, но только в селах, у колодцев и родников, т. к. транспорта не хватало, да и возникала проблема с их захоронением – земля была еще скована морозом. После получения директивы Генштаба эта работа была развернута уже на ином уровне. В частях начали формироваться похоронные команды, которым придавались транспорт и группы подрывников для подготовки братских могил. Инженерные части приступили к расчистке дорог и заготовке пиломатериала, а подразделения сборных пунктов аварийных машин из передвижных рембаз выдвинулись в поля для инвентаризации подбитой техники и организации ее эвакуации.

На начальном этапе фортификационных работ (март – апрель) командование армий обоих фронтов руководствовалось документом под названием «Краткие указания по устройству полевых оборонительных рубежей и очередности их строительства»⁶² (далее «Краткие указания»), который был утвержден начальником инженерных войск Красной Армии генерал-майором М.П. Воробьевым в марте 1943 г. и тогда же направлен в войска.

Н.Ф. Ватутин приказ № 0087/оп об инженерном оборудовании полосы обороны фронта подписал 27 марта, т. е. в момент, когда весна уже вошла в свои права и вся центральная часть советско-германского фронта «утонула» в непролазной грязи. Поэтому строительство рубежей, как и требовали «Краткие указания», было разделено на две части – первую и вторую очереди. К первой было отнесено возведение самого необходимого для отражения возможного удара противника:

⁶¹ Русский архив. Великая Отечественная война. № 23(12(3)). М., ТЕРРА, 1999. С. 106.

⁶² ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2797. Д. 33. Л. 8–10.

«а) минирование основных танкоопасных направлений и подготовка мостов к взрыву по всей глубине обороны с максимальным использованием трофейных мин, ВВ, артснарядов и авиабомб;

б) устройство траншей с основными и запасными огневыми стрелковыми и пулеметными позициями и позициями ПТР с расчисткой обзора и обстрела;

в) оборудование основных и запасных позиций для артиллерии и минометов с простейшими укрытиями для расчетов и матчасти;

г) устройство противопехотных препятствий перед передним краем;

д) оборудование КП;

е) ДЗОТы на переднем крае для основных огневых средств;

ж) колонные пути и колейные дороги, обеспечивающие подвоз в войсковом звене в период распутицы»⁶³.

Сроки исполнения в приказе были установлены жесткие, этого требовала крайне сложная оперативная обстановка. Работы было необходимо завершить:

– на главной полосе – до 5 апреля,

– на второй, на главных направлениях – до 5 апреля, все – до 15 апреля,

– на промежуточных рубежах – до 5 апреля,

– на тыловой армейской полосе и отсечных позициях к 15 апреля,

– на первом фронтовом рубеже, на главных направлениях до 15 апреля, все – до 25 апреля.

Ко второй очереди было отнесено оборудование:

«а) ложных позиций и районов;

б) подбрустверных блиндажей, убежищ, землянок;

в) дополнительных позиций для всех огневых средств;

г) развитие ходов сообщения в глубину и по фронту;

д) усовершенствование траншей, окопов и огневых позиций артиллерии и минометов, бойницы, ниши, водоотвод, одежда крутостей;

е) устройство противопехотных препятствий в глубине обороны и на флангах батальонных районов и опорных пунктов;

ж) устройство ДЗОТов для основных огневых средств в глубине обороны»⁶⁴.

Однако из-за ряда крупных проблем, о которых скажу ниже, эти усилия не могли и не достигли требуемых результатов. Поэтому не только первые мероприятия по укреплению занятой территории в инженерном отношении, но и полномасштабное строительство батальонных районов было разделено на две очереди. Ключевым при делении работ являлось требование *«тактико-фортификационная законченность и достижение определенной степени боеготовности батальонного района в результате окончания работ по каждой очереди»⁶⁵*. Особенно ответственным был начальный этап первого периода, в ходе которого укреплялась территория перед главной полосой (предполье, нейтральная зона) и строились на ней позиции взводов первого эшелона будущего батрайона. В перечень того, что предстояло возвести в это время, входили: минные поля (всех типов) и противотанковые препятствия на ключевых направлениях, сооружения для огневых точек, командные пункты, одна линия траншей с ходами сообщения, одно убежище для личного состава на один опорный пункт. И все это должно строиться как можно быстро, от этого зависела прочность занятого рубежа, которая росла с той же скоростью, что и шли фортификационные работы и подходило пополнение в подразделения первой линии.

⁶³ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 13, 14.

⁶⁴ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 15.

⁶⁵ ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2797. Д. 33. Л. 9.

Однако в первой половине апреля оборудование армейских полос по всей Курской дуге шло крайне медленно. И на Воронежском фронте (в том числе и в 6-й гв. А) работы первой очереди к 25 апреля в запланированных объемах в большинстве своем не были выполнены. Основных причин этого было три, и все они объективные.

Во-первых, основная фаза распутицы завершилась лишь к 16–17 апреля, до этого момента земляные работы и минирование вести было очень трудно.

Во-вторых, вплоть до начала мая фронт не имел необходимого количества мин, колючей проволоки и взрывчатых веществ. Из-за этого в конце марта и весь апрель в основном устанавливались мины, снятые и привезенные со старых рубежей (Донской оборонительный рубеж), и трофейные артиллерийские снаряды, переделанные в фугасы. Вот, например, как складывалась ситуация с минированием в 6-й гв. А. К вечеру 29 марта ее части уложили в своей полосе всего 2500 противотанковых мин. А чтобы прикрыть хотя бы передний край, ей не хватало 13 000 ПТМ. Противопехотных мин в армии не было вообще, их минимальная потребность составляла 8000 шт.⁶⁶. 8 апреля Н.Ф. Ватутин сообщил И.М. Чистякову, что специально для него по железной дороге перебрасываются 12 000 ПТМ, 18 000 ППМ, 6500 больших и 8000 малых лопат⁶⁷. Пока же генерал армии предложил в качестве противотанкового резерва 27-й батальон собак – истребителей танков. Командарм не раздумывая сразу же согласился, обстановка заставляла с готовностью принимать и эти крохи. Обещанное же инженерное имущество подошло лишь во второй половине апреля. Поэтому сплошное минирование и серьезное укрепление танкоопасных направлений армии начали лишь с мая.

В-третьих, инженерные подразделения и дивизионного, и армейского подчинения не были полностью укомплектованы людьми, что заметно снижало их возможности и скорость работы. Кроме того, они задействовались на расчистке местности и восстановлении транспортной инфраструктуры (мостов, переходов, заготовке стройматериалов). Личный состав стрелковых дивизий активно занимался строительством, но после зимних боев их части были малочисленными, красноармейцы изможденными из-за нехватки продовольствия и витаминов, а пополнение еще не поступило. Командование армий, в частности 6-й гвардейской, стремясь выдержать план строительства хотя бы на главной полосе, направляло часть личного состава дивизий второго эшелона на помощь впереди стоящим соединениям. Например, даже в первой половине мая 1500 человек из 51-й гв. сд работали в 52-й гв. сд на оборудовании ПТ-рва⁶⁸.

Местное же население со второй половины апреля привлекать в помощь войскам было запрещено, оно занималось возделыванием полей и посевом, будущий урожай должен был обеспечить продовольствием и тыл, и войска фронта. Именно в силу этих причин в первой половине апреля достичь значительных объемов строительства было невозможно.

Определенное отрицательное влияние на темпы фортификационных работ (хотя и не столь значительное, как проблемы, перечисленные выше) оказывало присутствие на местности, где проходили армейские полосы, значительного числа гражданского населения (несколько десятков тысяч человек). 25 апреля решением Ставки ВГК была уточнена 25-км тактическая полоса Воронежского фронта, из которой его было необходимо выселить. Делалось это по трем главным соображениям. Во-первых, ведение активных боевых действий предполагалось на всю глубину полосы, поэтому, чтобы сохранить жизнь оставшимся в селах детям, женщинам и старикам, их и эвакуировали в тыл. Во-вторых, это было необходимо для пресечения разведывательно-диверсионной деятельности спецгрупп абвера и предотвращения ими сбора данных о состоянии обороны и мест сосредоточения войск. В-третьих, на главной полосе Воронежского фронта все населенные пункты планировалось подготовить к круговой обороне, в их строе-

⁶⁶ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2846. Д. 469. Л. 30.

⁶⁷ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2846. Д. 469. Л. 44.

⁶⁸ ЦАМО РФ. Ф. 872. Оп. 1. Д. 27. Л. 6.

ниях, а также в машинно-тракторных станциях, располагавшихся обычно на окраинах, предстояло оборудовать огневые точки, а подвалы и корнехранилища подготовить для складирования боеприпасов и продовольствия. Но пока в них жили люди, войска не могли приступать к этой работе. Официальные же документы по отселению поступили, в частности в штаб 6-й гв. А, лишь в последних числах апреля, а эвакуация продолжалась весь май и даже часть июня.

Кроме того, было немало и субъективных причин, негативно влиявших на ход строительства, одна из главных – штабы армий и дивизий планы инженерного укрепления своих рубежей разрабатывали с большой раскачкой. Из-за волокиты и безответственности некоторых высокопоставленных офицеров войска в это время не получали самого необходимого для работы. Ощущалась нехватка инструмента (лопат, кирок, пил и топоров), не велся должный контроль со стороны штабов за работой командиров тактического звена по выбору позиций для своих подразделений, размещения важных инженерных заграждений и огневых точек. После начала систематических выездов офицеров штаба фронта и специально назначенных командиров в войска с середины апреля его командованию стало ясно, что, если ситуацию быстро не изменить, создать систему обороны в запланированных масштабах и отведенные сроки не удастся. Поэтому уже 20 апреля Н.Ф. Ватутин подписал приказ, в котором вскрывались выявленные недостатки, устанавливалось время для их устранения и развертывания по-настоящему масштабного оборонительного строительства.

Наряду с минированием, первым мероприятием войск Воронежского фронта по укреплению главной армейской полосы в конце марта стало оборудование постов боевого охранения и передовых отрядов дивизий первого эшелона. Они выставлялись во всех армиях, но только перед главной полосой, за исключением 7-й гв. А, где передовая линия проходила по реке Северский Донец, а первые траншеи по его левому берегу. Позиции БО выдвигались на 1–2 км вперед от главной полосы. Они готовились к круговой обороне, подходы к ним частично или полностью минировали противопехотными минами. В 6-й гв. А в одной дивизии, как правило, выставлялись 7–8 постов, каждый от 1 до 3 стрелковых взводов, усиленных тяжелым вооружением. Общее количество личного состава, привлекавшееся для БО и ПО в одном соединении, колебалось от 240 до 400 красноармейцев и младших командиров. Численность личного состава поста была разной и зависела от места его расположения: например, в 52-й гв. сд она колебалась от 21 до 96 человек, а в 37-й сд – от 15 до 50. В качестве усиления им придавались 1–2 станковых пулемета «максим», от 2 до 11 ручных ДП-27, 1–2 50-мм миномета, на танкоопасных участках – 2–4 орудия 45-мм ПТО и даже ПА или 82-мм миномет.

Предполье⁶⁹ перед всей главной полосой Воронежского фронта оборудовать было невозможно. В ходе мартовских боев между передним краем германских и советских войск существенные разрывы (до 6–7 км) образовались лишь в 38-й и 6-й гв. А. Именно в этих местах и было решено создать сильные узлы сопротивления – передовые отряды. В армии Чистякова они располагались на расстоянии 2–3 км от первой траншеи главной полосы, в оставленных селах, хуторах и на господствующих высотах. Как правило, это был усиленный стрелковый батальон (например, в 52-й гв. сд их численность колебалась от 420 до 472 чел.). К началу боев в 6-й гв. А их насчитывалось пять: в Бутово (67-я гв. сд), Драгунское (67-я гв. сд), у отметки «к. Стрелецкое» (52-я гв. сд), в 500 м южнее Яхонтова (52-я гв. сд) и в 1 км южнее с. Черная Поляна (375-я сд). Важной отрицательной особенностью ПО являлось отсутствие локтевой и огневой связи между собой и постами БО, которые располагались обычно уступом сзади от ПО на расстоянии от 1 до 2 км. Причем в ряде случаев БО тоже не имели огневой связи между собой. Это обстоятельство часто являлось причиной их гибели в период подго-

⁶⁹ Предполье – укрепленная передовая полоса обороны впереди главной полосы или впереди укрепрайона. Его назначение – задержать наступающего противника, чтобы выиграть время для занятия траншейной сети личным составом, и измотать его в период подхода к оборонительной полосе. Глубина предполья может значительно колебаться.

товки к Курской битве. 9 июня 1943 г. старший офицер Генштаба при штабе Воронежского фронта докладывал: *«Промежутки между взводными опорными пунктами боевого охранения в большинстве случаев никем не охраняются, в результате чего 18 мая на участке 71-й гв. сд противник, просочившись в промежутки между боевыми охранениями, перерезал связь БО с батальоном, уничтожил большую часть БО и увел в плен 7 человек. Патрулирование перед фронтом БО в промежутках между ними и главной полосы обороны не организовано. Деревоземляные сооружения в опорных пунктах БО не обеспечивают личного состава от поражения. Узкие щели и бомбоубежища для укрытия пехоты в траншеях отсутствуют, в результате чего прямым попаданием одного снаряда 23 мая уничтожено 5 человек БО 210-го гв. сп 71-й гв. сд. Промежутки между взводными БО не минированы, проволочные заграждения и МЗП в промежутках отсутствуют, не все БО обеспечены противотанковыми и противопехотными препятствиями и минными полями с фронта»⁷⁰.*

Кроме того, сначала не везде готовились запасные позиции для постов БО, их личный состав не получал четких и ясных инструкций о путях отхода, мало выделялось боеприпасов (на винтовку 100–150 патронов, на пулемет 3–6 дисков, на миномет – мин на 30 минут боя). Все это могло, и в ряде случаев приводило к полному или частичному уничтожению личного состава поста артогнем, а в случае нападения численно превосходящего противника последний на плечах отходившего БО врвался в главную полосу обороны. Ряд из этих недочетов к началу июля будет устранен, и посты БО в основном справятся с поставленными перед ними задачами по всему фронту 6-й гв. А. Этому будет способствовать в основном правильно разработанная система их поддержки артогнем. В одной дивизии для прикрытия выделялись в среднем 4–6 батарей на пост БО и до 2 дивизионов – на ПО. Позиции их орудий обычно располагались в 1–2 км от переднего края главной полосы, вместе с тем готовились и запасные ОП непосредственно на переднем крае, в том числе и для «катюш». К июлю разведке 4-й ТА удастся установить не только места расположения ПО и БО, но и их боевой состав, однако ее штаб даст им неверную оценку, решив, что это первая позиция главной полосы 6-й гв. А. Именно с захвата постов БО и ПО 71-й гв. и 67-й гв. сд 4 июля 1943 г. войска Гота, по сути, приступят к реализации плана «Цитадель».

За линией постов БО и ПО шли три армейские полосы, на которых располагались главные силы (стрелковые дивизии, танковые и артсредства пяти общевойсковых армий) Воронежского фронта, это была основная часть его системы обороны. Перед первой линией траншей главной полосы вместе со сплошными минными полями были построены три линии колючей проволоки. Они использовались и как противопехотное средство, и как довольно эффективная сигнализация, особенно в ночное время. На проволочных нитях в разных местах развешивались различные металлические предметы: банки из-под консервов, пробитые котелки, гильзы и т. д. При попытке пройти через заграждение или снять его эти «колокольчики» издавали звон, сообщая дежурившим круглые сутки в «секретах» пулеметчикам о намерении противника.

Армейские полосы представляли собой батальонные районы, плотно выстроенные в цепочку, внутри которых находились опорные пункты (или узлы обороны), состоявшие из ротных районов, позиций батальонного резерва и средств усиления. Все опорные пункты приспособлялись к круговой противопехотной и противотанковой обороне. Стрелковые роты, согласно «Кратким указаниям», должны были готовить позиции (ротный район) на участке до 700 м по фронту и до 700 м в глубину, но на практике из-за нехватки сил в дивизиях этот показатель выдерживался далеко не всегда, как правило, рота получала для обороны большую территорию. Из-за этого не соответствовали нормам, установленным командованием инженерных войск, и батрайоны, даже на главной полосе. Например, в 6-й гв. А они имели протяженность в среднем 2–3,5 км по фронту и от 800 м до 1 км в глубину, хотя их фронт не должен был превы-

⁷⁰ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 365. Л. 73.

шать 2 км. В каждом ротном районе (с учетом рельефа местности) выделялся один взводный опорный пункт, который имел важное тактическое значение и готовился для особо упорного сопротивления. Он являлся главным опорным пунктом роты. Два-три батальонных района, расположенные, как правило, в один, реже в два эшелона, сводились в полковые участки (4–7 км по фронту и 3–4 км в глубину), и к ним добавлялись позиции полкового резерва: стрелковая рота, рота автоматчиков, взвод ПТР, саперные подразделения. Три участка стрелковых полков составляли полосу обороны дивизии.

Стрелковые дивизии со средствами усиления на главной полосе фронта имели среднюю глубину обороны 6–7 км, что соответствовало требованиям боевых уставов пехоты. Общевойсковой резерв комдива составляли учебный батальон и спецчасти, которые обычно располагались на подготовленных позициях в 3–4 км от переднего края (на вероятных направлениях удара противника). На танкоопасных направлениях, в первую очередь в 6-й гв. А, к началу боя командиры ряда дивизий, в том числе 67-й гв. и 52-й гв. сд, получили спецрезервы: истребительно-противотанковые и танковые полки НПП, самоходно-артиллерийские полки, дивизионы тяжелой гаубичной артиллерии, зенитные полки и даже дивизионы РС («катюш»). За два года войны столь серьезное усиление соединениям первого эшелона было выделено впервые. *«Исходя из рельефа местности и его тактической оценки, – докладывал в начале июня представитель Генштаба полковник М.Н. Костин о положении в 6-й гв. А, – передний край главной полосы обороны выбран правильно, за исключением некоторых участков. Извилистость рубежа, по которому проходит передний край, создает естественные огневые мешки и имеет благоприятные условия для создания косопрямельного фланкирующего и перекрестного огня»*⁷¹.

Вместе с тем система главной полосы 6-й гв. А имела еще один существенный недостаток. Кроме уже отмечавшегося превышения размеров ротных и батальонных участков, все дивизии, удерживавшие ее, располагались в один эшелон, т. е. позиции всех трех их стрелковых полков были вытянуты в одну линию. В таких условиях сдерживать противника продолжительное время, особенно его танковые группы, они были не в состоянии. Это решение принималось под давлением объективных проблем: из-за нехватки сил фронт был вынужден нарезать полосы дивизиям больше, чем положено по уставу (14–15 км вместо 12 км), поэтому их полки обороняли участки протяженностью в среднем до 5–6 км. Что касается 52-й гв. сд, которая находилась на главном танкоопасном направлении, то ее полки «вытянуть в ниточку» Н.Ф. Ватутин приказал сознательно, чтобы именно у Обоянского шоссе втянуть главные силы ударной группировки немцев в подготовленный «капкан», о котором подробно смотри мою книгу «Курск-43. Как готовилась битва „титанов“»⁷².

Вторая армейская полоса, в зависимости от начертания, проходила в 10–15 км от переднего края главной. Ее занимали войска все тех же четырех армий первого стратегического эшелона фронта (на 38-ю А приходилось 54 км, 40-ю А – 46 км, 6-ю гв. А – 60 км и 7-ю гв. А – 46 км), но их количество существенно отличалось: в 38-й А – только 37-я сбр и бригада учебных батальонов (правый фланг, рубеж: Викторовка – Махновка), в 40-й А танкоопасное направление Грайворон – Белое прикрывали две дивизии и одна иптабр, в 6-й гв. А – 90-я гв., 51-я гв., 89-я гв. сд, 27-я и 28-я иптабр, а также 227-й сп 183-й сд 69-й А (участок Воловьевка, Сажное, /иск./ Кривцово, Клейменово), в 7-й гв. А – три дивизии и одна иптабр. Каждая из дивизий второго эшелона обороняла фронт протяженностью от 15 до 25 км, в зависимости от важности направления и условий местности. Наибольшая плотность войск была создана в 7-й гв. и 6-й гв. А, к началу Курской битвы в последней протяженность дивизионных участков составляла 14–23 км, глубина – 5–6 км.

⁷¹ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 365. Л. 71.

⁷² Замулин В.Н. Курск-43. Как готовилась битва «титанов». М., Яуза, 2019. С. 85–108.

Из-за отсутствия достаточного количества сил в армии, с целью усиления дивизии первого эшелона И.М. Чистяков, с разрешения Н.Ф. Ватутина, каждой из них выделил общевойсковой резерв – по два стрелковых батальона за счет трех дивизий, занимавших вторую полосу, а из 90-й гв. сд вывел в 67-ю гв. сд еще и часть ее артполка. Это, безусловно, усилило первый эшелон, но существенно снизило укрепленность второго, т. к. находившиеся здесь 51-я гв., 89-я гв. и 90-я гв. сд не имели серьезных средств усиления, потому что Военный совет фронта был вынужден отдать приказ о выводе на вторую полосу армии Чистякова всю 1-ю ТА, стоявшую в тылу, на Обоянском направлении. Это решение было принято после утверждения плана Курской оборонительной операции в Кремле, когда стало ясно, что сил 6-й гв. А для удержания своей полосы, которая с большой вероятностью станет местом главных событий, не хватает и Ставка передаст 26 апреля 1-ю ТА в распоряжение Н.Ф. Ватутина, которая до этого момента находилась в прямом подчинении Ставки в качестве ее подвижного резерва.

Первые две полосы армий Воронежского фронта составляли тактическую зону их обороны. Она имела наиболее развитую систему траншей, ходов сообщения, огневых позиций и других инженерных сооружений и заграждений. Впервые за годы войны глубина этой зоны составила 15–20 км. На главной полосе находилась большая часть сил и средств и дивизий, и корпусов первого эшелона. В отчете инженерных войск фронта о состоянии его обороны к началу июля 1943 г. отмечалось: *«Передний край главной полосы обороны в своем большинстве проходит по естественному рубежу (6-я гв. А), имея перед собой частью заболоченные, частью сухие с широкими долинами лощины, за исключением отдельных участков (7-й гв. А и правого фланга 38-й А), где передний край проходит по ровной местности. Расположение войск второй оборонительной полосы (в 6-й гв., в 40-й А и 7-й гв. А) такое, как и в главной полосе обороны, с той лишь разницей, что дивизии не имели ПО и соприкосновения с противником. Они имели большую возможность совершенствования обороны, поэтому сеть траншей, окопов и других сооружений развита больше. Здесь имеются выносные окопы на стрелковые пулеметные отделения, а также районы обороны взводов рот и даже батальонов, принимает более выраженный характер с наличием опорных пунктов и узлов сопротивления (90-я гв. и 51-я гв. сд). Обзор и обстрел аналогичен с передним краем главной полосы»*⁷³.

Третью армейскую полосу готовили лишь войска 40-й и 6-й гв. А, в 7-й гв. А и на левом крыле 6-й гв. А их тыловые полосы являлись главной полосой 69-й А, которая составляла второй эшелон фронта. В 40-й А она проходила от р. Псел по линии: Пены, Вышние Пены, и ее левая оконечность на участке с. Венгеровка подходила ко второй полосе 6-й гв. А, создавая как бы отсечный рубеж для 6-й гв. А. Всю тыловую полосу 40-й А занимала одна 184-я сд.

При выборе местности для строительства всех трех полос особое внимание уделялось естественным танконедоступным преградам (долинам мелких рек, заболоченным балкам и т. п.), которые в сочетании с инженерными заграждениями и сооружениями могли усилить оборону. Так, например, река Псел на разных участках имела ширину от 30 до 40 м, глубину 2,5–3,5 м и широкую заболоченную пойму, поэтому являлась существенным препятствием для бронетехники, особенно после дождей. Кроме того, ее правый берег был обрывистым, заметно выше левого, поэтому с него хорошо просматривались не только подходы к реке, но и часть второй полосы. Стремясь использовать это препятствие, командование фронтом решило оттянуть тыловую полосу 6-й гв. А на значительную глубину (до 15 км) от переднего края второй полосы, чтобы позиции третьей полосы проходили по правому берегу реки. Хотя было понятно – это решение потребует новых усилий и затрат, т. к. будет необходимо создать промежуточный рубеж: Картамышевка, Ивня, Курасовка, Шипь (впоследствии начертание его было несколько изменено), иначе большой участок не будет оборудован для обороны. В отчете по итогам летних боев под Курском офицер Генштаба при штабе 6-й гв. А подполковник Шамов

⁷³ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 365. Л. 80.

писал: «Третий (тыловой) армейский оборонительный рубеж, состоявший из 36 батальонных районов, возведен инженерными батальонами и местным населением в полном соответствии с БУП-42⁷⁴. Кроме того, между второй и третьей оборонительными полосами армии были подготовлены армейский промежуточный рубеж и ряд отсечных позиций, работы по оборудованию которых были произведены до начала операции на 77 %»⁷⁵.

69-я А, как уже отмечалось, находилась во втором эшелоне, ее полоса обороны проходила от р. Псел у с. Васильевка до левой границы Воронежского фронта в районе Ефремовки и имела протяженность 120 км. На ней были развернуты пять дивизий в один эшелон, т. е. на одно соединение в среднем приходилось 22–28 км (в зависимости от значимости направления), что примерно в 2 раза больше нормы. Кроме того, к началу июля 1943 г. степень готовности сооружений и заграждений ее полосы составляла примерно 65 % от плана. Однако командование фронтом кардинально изменить ситуацию было не в состоянии, сил для этого не имело. Да и приказ Москвы был однозначным: дальше второй армейской полосы противник пройти не должен. Это обстоятельство станет одной из причин того, что советские войска (в первую очередь подходившие резервы Ставки) на третьей полосе будут нести значительные потери и на отдельных участках не смогут удержать свои позиции, хотя теоретически силы у них для этого будут.

При строительстве батальонных районов на всех армейских полосах основные усилия направлялись на возведение их главных объектов: сооружения для огневых средств, противотанковые и противопехотные препятствия перед передним краем и на флангах, КП, траншеи, ходы сообщения и убежища для личного состава. Как правило, первая линия траншей главной полосы занималась автоматчиками и истребителями танков. Поэтому основными огневыми сооружениями на ней были противоосколочные гнезда для стрелков, а для пулеметов – дерево-земляные огневые точки (легкого и усиленного типа), которые располагались обычно во второй линии траншей. Согласно «Кратким указаниям», расположение ДОТов и ДЗОТов должно было удовлетворять трем основным требованиям:

«1. Использование всех огневых средств батальона в борьбе за передний край и для создания перед ним косоприцельного и перекрестного огня в полосе шириной 400 м.

2. Фланкирования и прострела всех подходов к препятствиям (сооружениям) при расположении самих огневых средств в этих препятствиях.

3. Возможность организации флангового и косоприцельного огня и в глубине обороны»⁷⁶.

К началу июля 1943 г. на главной полосе 6-й гв. А было оборудовано в среднем по 6-7 ДЗОТов на 1 км фронта. Они представляли собой деревянный сруб размером 2×2 м, почти полностью заглубленный в землю, накрытый несколькими накатами бревен диаметром 12-15 см с прослойкой земли между накатами. В зависимости от количества накатов они делились на легкие и усиленные. Передняя стенка, где располагалась амбразура, делалась двойной, а между ее бревнами тоже засыпалась земля. Обычно такие огневые точки готовились под станковые пулеметы (реже ручные) на труднодоступных высотах или в складках местности с целью перекрыть огнем определенный участок или усилить огонь стрелковых подразделений, располагавшихся впереди.

Относительно много на главной полосе к началу боев войсками Чистякова было оборудовано выносных огневых позиций для пулеметов «максим». Они представляли собой открытые окопы с площадкой, располагавшиеся перед первой линией траншей на расстоянии 100–150 м, хорошо замаскированные от воздушного и наземного наблюдения и имевшие в качестве укрытий для номеров щели или блиндажи. Расчеты до начала общего наступления немцев себя не

⁷⁴ Боевой устав пехоты, принятый в Красной Армии в 1942 г.

⁷⁵ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 235. Л. 9.

⁷⁶ ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2797. Д. 33. Л. 9 обр.

выдавали, вели лишь наблюдение, а пулеметчики менялись только ночью. Их основной задачей являлось: после перехода противника в общее наступление открыть внезапный фланговый или в крайнем случае фронтальный огонь и, нанеся ему большие потери, сорвать первую атаку⁷⁷.

Важнейшим показателем эффективности системы полевой обороны считалась плотность пехотного огня. К началу Курской битвы в войсках первого эшелона Воронежского фронта, в том числе и 6-й гв. А, теоретически этот показатель был довольно высоким: на один погонный метр в дивизиях на главном направлении 9–10 пуль в минуту, на второстепенных – 6–7 пуль. Однако из-за того, что батальонные, полковые и дивизионные резервы находились в глубине полос, возникала зона в 300–400 м с реальной плотностью огня перед передним краем на главном направлении 4–6 пуль, на второстепенном – 3–4. Это была существенная проблема, она заметно снижала прочность рубежа, но до начала Курской битвы исправить ситуацию не удастся. Этот фактор, наряду с уже отмеченными проблемами, окажет свое негативное влияние на ход боевых действий в первый день оборонительной операции.

Из всего перечисленного выше наиболее трудоемким стало строительство сети траншей, соединенных между собой ходами сообщения. Со второй половины апреля 1943 г. в советских руководящих документах прослеживается изменение взглядов на то, какими должны быть траншеи. Еще в марте в «Кратких указаниях» допускались их различные варианты по глубине: *«Траншеи и ходы сообщения возводятся глубиной для движения согнувшись, а на участках второстепенного значения – для переползания....Если хода сообщения направлены примерно вдоль фронта и приспособлены к обороне, они называются траншеями»*⁷⁸. А в конце апреля – начале мая подход кардинально поменялся, поступил приказ: траншеи и ходы сообщения на всех армейских полосах должны быть в полный профиль. Кроме того, если раньше требовалось, чтобы после завершения работ второй очереди в батрайоне было не менее двух линий траншей, то теперь три и более: первая по переднему краю, вторая в 150–200 м от него, и т. д.⁷⁹ Это будет одним из первых важных шагов к переходу от обычной к глубокоэшелонированной обороне. С этого момента командование фронтов на Курской дуге все усилия нижестоящих штабов будет направлять на их активное развитие и по фронту, и в глубину. Благодаря этому к началу боев «жиденькие» полосы с полупрофилем превратятся в густую сеть глубоких траншей и ходов сообщения, переплетенных между собой. К июлю на некоторых участках главной полосы (например, на участке 22-го гв. ск 6-й гв. А) будут вырыты 4 линии полнопрофильных траншей. Вторая линия, как и требовалось в «Кратких указаниях» (в зависимости от рельефа), находилась в 150–200 м от первой, расстояние между второй и третьей траншеями составляло 200–250 м, и между третьей и четвертой – 150–200 метров. Таким образом, траншейная сеть охватывала всю глубину ротных и батальонных районов. В системе траншей оборудовались специальные дополнительные укрытия для личного состава: щели, ниши, подбрустверные блиндажи (лисы норы). В результате каждая стрелковая дивизия на главной полосе в среднем имела до 70 км траншей и ходов сообщения. Они станут и надежным укрытием от ударов артиллерии и авиации, и обеспечат быстрый и скрытный маневр пехоты по фронту и из глубины. Кроме того, разветвленная сеть затруднит немцам вскрытие системы огня.

Для того чтобы читатель представил, чем занимались войска Ватутина на первом этапе создания системы обороны, т. е. в середине весны 1943 г., какое место занимала в их повседневной жизни фортификационная работа и ее объем, процитирую доклад начальника штаба 22-го гв. ск 6-й гв. А полковника И.П. Нагаткина:

«Доношу, что за период 15–28.4.43 г. итоги боевых действий частей корпуса следующие:

⁷⁷ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2845. Д. 227. Л. 3–5, 8, 9.

⁷⁸ ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2797. Д. 33. Л. 9.

⁷⁹ ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2797. Д. 33. Л. 9 обр.

1. Противник за период 15–28.4.43 г. активности не проявлял, вел редкий ружейно-пулеметный и периодический беспокоящий артминометный огонь по боевым порядкам передовых частей и производил окопные работы. На участке 219 гв. сд 71 гв. сд 18.4.43 г. предпринял разведку боем силой до двух рот, которая была отбита силами ПО. Авиация противника ежедневно производила разведполеты, частично с попутным бомбометанием.

...3. 71 гв. сд 18.4.43 г. в районе Новая Горянка были взяты документы у убитого солдата, принадлежащего к 11-й роте 678 пп 332 пд.

67 гв. сд в районе севернее Казацкое взят один пленный, который скончался, по документам установлена принадлежность к 6-й роте 2-го батальона 339 пп 167 пд. Из записной книжки видно, что данная дивизия сменила дивизию «Великая Германия» 22.3.43 г.

90 гв. сд за период 15–28.4.43 г. разведывательной деятельности не вела.

4. 71 гв. и 67 гв. сд провели сбор снайперов, пулеметчиков, расчетов ПТР. Проведены занятия с командирами полков, начальниками штабов полков, командирами батальонов, рот и взводов. С рядовым составом занятия по боевой подготовке проводились по 6 часов ежедневно, одновременно производились оборонительные работы.

90 гв. сд: проведены 12-дневные сборы заместителей командиров рот, 5-дневные сборы наблюдателей, 5-дневные сборы по подготовке расчетов ДШК, 5-дневные сборы ручных и станковых пулеметчиков, 4-дневные сборы командиров полков. До 24.4.43 г. личный состав дивизий работал на оборонительных сооружениях, с комсоставом проводились занятия по БУП, с 24.4 в четные дни проводились занятия по боевой подготовке, в нечетные дни продолжались оборонительные работы.

5. С 15 по 28.4.43 г. построено оборонительных сооружений:

	71 гв. сд	67 гв. сд	90 гв. сд	Итого
Стрелковых окопов на отделение	109	150	168	427
Окопов для станковых пулеметов	37	38	26	101
Окопов для ручных пулеметов	44	47	142	133
Окопов для минометов	72	84	55	211
Орудийных площадок	57	89	15	161
Окопов для ПТР	77	84	19	180
ДЗОТов	18	51	11	80
Ходов сообщения (погонных м)	13 300	57 890	29 870	96 060
НП	73	52	35	160
Землянок	108	226	78	412
Проволочных заборов	1200	1300	600	3100
Установлено мин ПТ	1470	2291	-	3781
Установлено мин ПП	1005	256	-	1261 ¹

Масштабные земляные работы проводились в течение всей весны и первого месяца лета с большим напряжением сил всего личного состава фронта и гражданского населения, проживавшего на этой территории. И.М. Чистяков вспоминал: *«Итак, мы приступили к строительству своих оборонительных рубежей. Траншеи и ходы сообщения были глубокие – один метр семьдесят сантиметров, копали, строили блиндажи и укрытия, готовили позиции для огневых средств. Работы было много. Армия занимала 64 км по фронту, и по всему фронту можно было ожидать наступления; болот и лесов, так называемых пассивных участков, неудобных для наступления, здесь не имелось... Войска работали день и ночь. Причем особая сложность состояла в том, что на первых позициях бойцы копали в целях маскировки только в ночное время... Казалось бы, с марта по 1 июля накопано было много, но известно, что у работ на оборонительных рубежах начало есть, а конца не бывает. Когда же в конце июня мне позвонил командующий фронтом Н.Ф. Ватутин и спросил: „Ну как, закончили работу?“, я мог только ответить: „Конца-краю нет, роем, как кроты, день и ночь“»*⁸¹. О размахе фортификационного строительства по всей полосе 6-й гв. А можно судить по следующим цифрам: здесь было отрыто более 700 км траншей, ходов сообщения и окопов, сооружено около 90 км противотанковых препятствий, установлено 110 км проволочных заграждений, переоборудовано и вновь построено около 100 мостов, свыше 1300 НП и КП, 6800 блиндажей, землянок и убежищ⁸².

Ключевой особенностью обороны обоих фронтов, удерживавших Курский выступ, являлись ее противотанковый характер и организованность ее на всю армейскую глубину. Связано это было с ясным пониманием советским командованием, что главным средством для преодоления их рубежей противник изберет массированный удар бронетехникой. Основу системы составляли противотанковые опорные пункты (ПТОП), в которых главным средством борьбы с танками и штурмовыми орудиями должны были стать артиллерия и развитая система инженерных заграждений и препятствий. ПТОП представлял собой хорошо замаскированные огневые позиции на 6–12 орудий с широким сектором обстрела и таким же числом ПТР. От огня мотопехоты их расчеты прикрывались автоматчиками (до взвода). На наиболее опасных направлениях количество орудий увеличивалось до 30, а ПТР – до 32.

На Воронежском фронте ПТОПы, как правило, располагались в ротных или батальонных районах. Командовал таким пунктом командир истребительно-противотанкового (или артиллерийского) полка, но, как покажут июльские бои, это решение оказалось неудачным. За участок обороны отвечал командир стрелкового полка, но он не имел прямого влияния на командира ПТОПа. Командир иптап, в свою очередь, не всегда знал ситуацию на участке стрелковых частей и мог принимать решение лишь на основе визуальной оценки обстановки. Более удачно будет решена эта проблема на Центральном фронте. Там ПТОПы расположили на участках стрелковых полков и объединяли в противотанковые районы (ПТОР). Их комендантом назначался командир стрелкового полка, а его заместителем командир артполка.

На главной полосе 6-й гв. А в начале Курской битвы было создано 20 ПТОПов, в том числе шесть (№ 1–6) в полосе 71-й гв. сд, четыре (№ 7–10) – в 67-й гв. сд, столько же (№ 11–14) – в 52-й гв. сд и три (№ 15–17) – в 375-й сд. На ее второй полосе их было 11. А в районе Васильевка, Коровино, Черкасское, Каменный Лог, Козьмо-Демьяновка, Шопино, Хохлово и Дальняя Игуменка были оборудованы ПТОРы, которые находились в прямом подчинении командиров дивизий.

Огонь ПТОПов усиливали гаубичные полки и дивизионы, расположенные на закрытых огневых позициях. На танкоопасных направлениях предусматривалось ведение подвижного и неподвижного заградительного огня (ПЗО и НЗО), который позволял сбивать темп общего

⁸¹ Чистяков И.М. Служим Отечеству. М., Воениздат, 1975. С. 136.

⁸² Габов С. Саперы огненной дуги. Воронеж, Центрально-Черноземное издательство, 1987. С. 52.

наступления противника. Он не только расстраивал боевые порядки атакующих, но, прежде всего, отсекал мотопехоту от танков и наносил ей значительные потери. Лишенные поддержки пехоты, экипажи танков обычно прекращали атаку или отводили машины на безопасное расстояние и, используя возможности орудий и прицелов, начинали вести методичный огонь с дистанции 1000–1200 м по позициям артиллерии. Вместе с тем вся гаубичная и пушечная артиллерия готовила рубежи и позиции для ведения огня по танкам прямой наводкой. Количество орудий и минометов в армиях Воронежского фронта на 4 июля 1943 г. приведено в **таблице № 3** (в ее основе – данные из отчета штаба артиллерии фронта).

Все позиции ПТОПов (основные, запасные и ложные) оборудовались только личным составом батарей. Поэтому в ходе подготовки к боям не только пехоте, но и артиллеристам пришлось перелопатить не одну тонну родной земли. Приведу выдержку из диалога писателя К.М. Симонова с бывшим командиром противотанкового орудия кавалером трех орденов «Слава» М.П. Бадигиным во время съемок многосерийного документального фильма «Солдатские мемуары»:

«Бадигин: Самое трудное на войне – это труд, подчас физически изнуряющий труд, прежде чем тебе придется воевать, идти в атаку... Это даже легче подчас, чем вот этот труд. По расчетам, скажем, чтобы 45-мм пушку окопать, надо около тридцати кубов земли вынуть, а 76-мм – уже пятьдесят шесть кубов. Если по мирным расчетам, это два дня работы. А без расчета – надо было успевать к утру. Вот таким образом.

ТАБЛИЦА № 3. Количество артиллерийских орудий, минометов и противотанковых ружей на Воронежском фронте по состоянию на 4 июля 1943 г.⁸³

Наименование частей	Пушки и гаубицы						Минометы			ПТР
	45-мм ПТО	76-мм ПА	76-мм ДА	122-мм	152-мм	203-мм	50-мм	82-мм	120-мм	
38 А	98	61	139	37	18	-	360	419	132	216
40 А	309	84	231	86	54	-	164	598	271	216
Итого:	407	146	370	123	72	-	524	1117	403	432
6 гв. А	335	83	324	81	72	-	392	547	232	360
7 гв. А	356	79	234	69	52	36	283	481	172	360
69А	221	88	107	48	-	-	288	443	147	1783
1 ТА	20	-	68	-	-	-	-	154	95	-
2 гв. ТТК	20	-	24	-	-	-	-	55	42	-
35 гв. ск	144	40	76	36	-	-	-	290	72	-
Резерв фронта (в том числе 5 гв. Стк)	40	-	104	-	-	24	-	-	180	576
Итого:	1136	281	937	234	124	60	963	1970	940	3079
Всего по фронту	1543	426	1307	357	196	60	1487	2987	1343	3511

Симонов: И сколько человек занимали на это?

Бадигин: Семь человек – для 76-мм пушки и шесть – для 45-миллиметровой. На одного человека всего-то разница, но копать надо больше в два раза. Копали столько, сколько десяткам людей, может, не придется за всю жизнь перекопать земли... Такое, скажем: встали на огневую позицию, командующий, например, решил сместить на километр вправо. Опять надо копать, пятьдесят шесть кубов земли выбрасывать. Не успел докопать – говорят: влево пять километров. Снова копать. И вот иногда перебрасывают так полмесяца – и копаешь... Просто уже и морально, и физически выдыхается солдат, выдыхается, не может. Но тем не менее задачи стоят, это война. Не окопался – это гибель. Значит, находили в себе все-таки

⁸³ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 421. Л. 4.

силы и копали. И знаете, ведь только окопавшись, можно было рассчитывать на победу на своем участке. Не окопался – долго не продержитесь. Тебя сметет вихрь.

Сначала, как правило, роются ровики для укрытия, а потом только – площадка под орудие. Стоит только два штыка вырыть, ты уже можешь лечь, в землю спрятаться – тут уже не опасно. И правило такое было – никем не заведено, но мы его твердо выполняли: ровик отроешь обязательно на том месте, если такое место есть, где след мины или снаряда разорвавшегося. Потому что мы сами, артиллеристы, знаем, что дважды в одно место снаряд исключительно редко попадает. Поэтому каждый облюбовывает место и там ровик делает, где оставил след немецкий снаряд. Тогда надежно можешь себя чувствовать»⁸⁴.

9 июня 1943 г. полковник Костин докладывал в Москву о состоянии артиллерийского обеспечения главной полосы Воронежского фронта: «Артиллерийские позиции в большинстве своем расположены хорошо, дают возможность быстрого маневра огнем и колесами. Расположение артиллерийских позиций глубоко эшелонировано, на переднем крае в ПТОПах расположены 45-мм орудия, 76-мм полковой артиллерии (ПА) и частично 76-мм дивизионной артиллерии (ДА), как правило, на открытых позициях. За ПТОПами расположена дивизионная артиллерия и приданные для усиления артчасти, имеющие запасные огневые позиции для выдвижения вперед и назад. За ДА расположена дальнобойная крупнокалиберная артиллерия. Общая глубина эшелонирования артиллерии достигает 15 км.

Артиллерия имеет хорошо оборудованные и замаскированные огневые позиции, блиндажи и щели для личного состава. Артиллерийские огневые позиции (ОП) имеют прикрытие, состоящее из стрелковых частей и автоматчиков, а также прикрытие расчетами противотанковых ружей, но недостаточно обеспечены искусственными противотанковыми и противопехотными препятствиями.

Как правило, стрелковые дивизии имеют кочующие батареи, которые ведут огонь по заранее разработанному плану. В полосе каждой дивизии имеются 10–15 ложных ОП, на некоторых из них производится имитация, вызывающая огонь противника. Огни, репера и рубежи артиллерии пристреляны, и имеются схемы огней и таблицы вызова огня... Наибольшая насыщенность огневыми средствами падает на 7-ю гв. и 6-ю гв. армии, которые расположены на наиболее вероятных направлениях действий противника»⁸⁵.

Из перечня основных искусственных противотанковых препятствий, которые применялись в Красной Армии, к началу июля 1943 г. на армейских полосах Воронежского фронта были возведены все (ров, эскарпы, брустверные контрэскарпы, заболачивание местности, завалы и «волчьи ямы»), кроме бетонных надолбов и обводнения. Жесткую увязку их с минными полями и огнем всех видов вооружения советское командование рассматривало и как наиболее эффективный способ срыва вражеских атак, и оптимальную форму истребления, прежде всего танков, в системе оборонительных позиций. Одновременно минно-взрывные заграждения были тесно увязаны с естественными преградами. Для этого до начала боев проводилась масштабная работа не только по их массовой установке перед передним краем главной полосы и перехвату танкопроходимых направлений в глубине обороны, но и создавались поля со спецтехникой (управляемые) на всех удобных участках и, прежде всего, в районах крупных дорог, в частности полностью была «нафарширована» ими трасса Белгород – Обоянь, а также участок дороги Томаровка – Быковка, занятый советскими войсками.

Однако из всей номенклатуры минно-взрывных заграждений наиболее эффективными считались глубокие минные поля. Их особенностью являлись относительная дешевизна и простота в эксплуатации. При прорыве рубежа «тихая смерть», как именовали мины экипажи танков, давала обороняющимся жизненно важное время для перегруппировки сил и подтягивания

⁸⁴ Симонов К.М. Солдатские мемуары. М., Искусство, 1985. С. 111, 112.

⁸⁵ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 365. Л. 75.

тактических резервов. К июлю 1943 г. в полосе фронта впервые за годы войны плотность мин на танкоопасных направлениях достигла 1400–1600 единиц на 1 км. При их установке учитывался прежний опыт, в том числе и неудачный. Например, такой: минные поля в глубине обороны более эффективны, чем перед передним краем главной полосы: на один подорвавшийся танк на переднем крае приходилось примерно 350–400 заранее выставленных ПТМ, а в глубине эта цифра уменьшалась до 150 и даже 120. Такая разница объяснялась тем, что минирование на второй и третьей полосах происходило уже на выявленных направлениях наступления неприятеля. Поэтому сплошное минирование применялось лишь на первых двух армейских полосах (на второй только танкопроходимая местность), на тыловой – мины (без взрывателей) ставились лишь на наиболее вероятном направлении движения бронетехники неприятеля. Остальная территория была подготовлена для их установки, а сами мины находились не в лунках, а хранились в специальных нишах – складах, расположенных в поле.

Кроме штатных мин в полосе Воронежского фронта широко применялись и минно-огнефугасы. Особенность этого средства была в том, что при его взрыве противник уничтожался не только осколками и ударной волной, но и сильным пламенем. МОФ представлял собой ящик, заполненный бутылками с зажигательной смесью. В центр под деревянной крышкой устанавливалась ППМ. Ящик хотя и маскировался дерном, но закапывался в землю не полностью, чтобы даже незначительный нажим на крышку вызывал взрыв мины, а затем и смеси, находящейся в бутылках. Возникавший столб огня и осколков в сочетании с ударной волной уничтожал живую силу и технику в радиусе до 40 м. На личный состав противника это производило удручающее впечатление, вызывало моральную подавленность. И что очень важно для оборонявшихся, минное поле, усиленное МОФ-ми, при хорошей маскировке не поддавалось разминированию, поэтому являлось надежным и эффективным средством борьбы.

Основная работа по созданию сплошной линии инженерных заграждений перед главной полосой во всех армиях фронта началась в мае, когда стали поступать большие партии мин. К началу Курской битвы план минирования участков главной и второй полос был полностью выполнен, а на третьей работы продолжались. Данные о числе установленных мин и фугасов по армиям на 5 июля 1943 г. приведены в **таблице № 4**.

ТАБЛИЦА № 4. Количество установленных мин в армиях первого эшелона Воронежского фронта по состоянию на 5 июля 1943 г.

Номер армии	Противо- танковые мины	Противо- пехотные мины	Артиллерий- ские снаряды (фугасы)
38 А	56 723	68 992	11 446
40 А	59 032	70 994	6377
6 гв. А	89 888	63 843	9162
7 гв. А	66 746	85 140	3441
69 А	19 542	17 146	-
Итого по фронту	291 930	306 115	20 426

Учитывая значение, которое командование фронтом придавало полосе армии Чистякова, здесь минирование весь подготовительный период велось особенно интенсивно и его график жестко контролировался. Причем, предполагая, что немцы для прорыва обороны армии будут вводить одновременно значительное число бронетехники, упор делался именно на глубокие

поля ПТМ и фугасы. По их количеству полоса 6-й гв. А заметно выделялась среди остальных объединений фронта. В отчете ее штаба отмечается: *«Армейские инженерные части в апреле – мае в основном были заняты постройкой, ремонтом и усилением мостов, поддерживали в проезде состоянии дороги, строили командные и наблюдательные пункты для штаба армии и командиров соединений корпусного звена, помогали дивизионным саперам в минировании главной полосы обороны, несли службу подвижного противотанкового резерва, имея в каждом батальоне по одной инженерной роте и 600 мин на автомашинах. С окончанием распутицы они усилили помощь войскам в установке взрывных заграждений. Инженерные части РВГК выполняли аналогичные задачи в оперативной глубине и использовались главным образом на строительстве дорог и мостов, вели подготовительные работы по созданию сети оперативных заграждений, минировали и охраняли мосты, а частью сил помогали войсковым саперам в минировании. По одной роте от каждого батальона находилось в подвижном противотанковом резерве»*⁸⁶.

В полосе 6-й гв. А, единственной во фронте, для неприятеля был приготовлен особый «сюрприз»: массированное применение радиоуправляемых минных фугасов и мин с замедленным действием. Их установкой занималась приданная армии 42-я инженерная бригада специального назначения РВГК под командованием полковника В.П. Краснова⁸⁷. Два месяца – апрель и май – ее батальоны еженощно в полосе 52-й гв. и 67-й гв. сд ставили осколочно-заградительные мины (ОЗМ-152), взрывающиеся электрическим способом, а также трофейные тяжелые снаряды, приспособляемые как мины натяжного действия. Большой склад этих боеприпасов был захвачен войсками 40-й А в ходе зимнего наступления. *«На переднем крае главной оборонительной полосы 6-й гв. А, – отмечается в отчете инженерных войск фронта, – были применены средства „ТОС“. Приборы устанавливались на важнейших направлениях вероятного движения противника в сочетании с другими взрывными заграждениями. Всего установлено 31 прибор ФТД, посредством которых приводилось в действие: 135 ОЗМ-152 и 107 фугасов весом от 50 до 250 кг. Средства „ТОС“ были установлены в пяти районах:*

1. Село Черкасское: три управляемых минных поля, перекрывающих танкопроходимую местность на направлениях: Бутово – Завидовка, Бутово – шоссе Белгород – Курск. Всего в этом районе было установлено 8 приборов ФТД, приводящих в действие 20 фугасов и 46 ОЗМ-152.

2. Село Триречное: четыре минных поля, перекрывающих местность между двумя оврагами: лог Лапин и оврагами северо-западнее выс. 233.6 на направлении Драгунское – Ольховка. Всего в этом районе было установлено 8 приборов ФТД, приводящих в действие 25 фугасов и 19 ОЗМ-152.

3. Выс. 228.6: одно минное поле, на северных скатах высоты были заминированы траншеи, блиндажи, бомбоубежища на направлении Томаровка – Быковка. Всего было установлено 2 прибора ФТД с 40 фугасами и 21 ОЗМ-152.

4. Село Каменный Лог: три минных поля, перекрывающих танкопроходимую местность: лог Каменный, роца, что юго-восточнее лога Каменного, на направлении Томаровка – Быковка. В этом районе было установлено 8 приборов с 19 фугасами и 47 ОЗМ-152.

5. Села Шишино – Беломестная: заминированы три моста на дороге Шишино – ст. Беломестная, из них один мост через р. Сев. Донец. Всего было установлено 5 приборов ФТД с пятью фугасами. Каждый район обслуживался специальной командой, состоящей из 31 чело-

⁸⁶ Габов С. Саперы огненной дуги. Воронеж, Центрально-Черноземное издательство, 1987. С. 64.

⁸⁷ До этого бригада отличилась в боях под Харьковом, а затем, во второй половине марта 1943 г., при отходе советских войск прикрывала корочанское направление.

века. Расчет команды состоял из 4 телефонистов, 5 радистов, 3 наблюдателей, 18 сапер-радистов и начальника команды»⁸⁸.

Работа саперов была очень опасная и физически изнурительная. Минировать приходилось на нейтральной полосе, ночью при этом следовало действовать быстро, тихо и предельно аккуратно, чтобы не подорваться на собственном заряде. За ночь роте минеров удавалось поставить в среднем 100–150 мин, максимум – 250. Но нередко были ночи, когда немцы не давали работать, обстреливая намеченный район, или шли дожди. Тогда наступал период томительного и нервного ожидания, ведь участок, выделенный подразделению, на котором уже оно начало работу, очень редко передавался другим для завершения. Поэтому все бойцы были заинтересованы завершить начатое дело как можно быстрее. Вместе с тем, несмотря на предупреждения и жесткие инструкции, подразделения минеров и личный состав частей, в полосе которых шла установка минных полей, нередко несли существенные потери по собственной вине: из-за плохой информированности, низкой дисциплины, а порой и откровенной расхлябанности. Вот наглядный пример из приказа командующего Воронежским фронтом № 00150 от 2 июня 1943 г.: *«За последнее время в войсках Воронежского фронта участились случаи подрыва бойцов и командиров как при постановке минных полей, так и на установленных и охраняемых минных полях. При производстве минирования за небольшой промежуток времени – март, апрель и май текущего года – от взрывов мин убито 14 и ранено 70 бойцов инженерных частей. За этот же период времени на установленных и даже охраняемых полях было убито 26 и ранено 49 человек. Особенно большие потери понесла 40-я армия, потерявшая на своих полях 21 человека убитыми и 68 ранеными. Отсутствует дисциплина на боевых участках, т. е. при переходе переднего края различными группами без ведома начальника боевого участка. Например, в 7-й гв. А в ночь с 17 на 18 мая была направлена группа саперов для минирования переднего края без проводника, в результате группа подорвалась на минах ОЗМ-152, убито 11 человек»*⁸⁹.

При разработке плана минных заграждений командованию всех армий фронта приходилось учитывать два важных аспекта.

Во-первых, слабой стороной мин была их низкая живучесть при огневом воздействии противника. Во время обстрелов или бомбежек заминированных участков происходила их детонация, из-за чего и его восстановление, и ликвидация были значительно затруднены, т. к. сначала было необходимо засыпать воронки перед позициями противника, вокруг которых оставались неразорвавшиеся мины. Кроме того, было немало случаев, когда недетонировавшие мины взрывом выбрасывало из лунок и присыпало (т. е. как бы маскировало) небольшим слоем земли. Эти особенности знали и германские войска, поэтому в первый день «Цитадели» в полосе обороны 6-й гв. А командование 4-й ТА примет решение: прокладывать коридоры в минных полях для танков пикирующими бомбардировщиками, а не саперами, посчитав этот способ более эффективным и менее затратным. Такие случаи советскими офицерами, наблюдавшими за полем боя в первые дни оборонительной операции, будут отмечены, в частности, в полосе наступления 2-го тк СС. Хотя в последующем Г. Гот от этого способа откажется.

Во-вторых, все советские противотанковые мины имели серьезный недостаток – они обладали малой мощностью. При их подрыве наносился ущерб лишь ходовой части танка, причем, как правило, не очень значительный: рвались траки, выбивались катки и т. д., а корпус боевой машины оставался невредимым. В подвижных соединениях вермахта система ремонта была отлажена хорошо, поэтому боевые машины с такими повреждениями вводились в строй относительно быстро. С целью сгладить этот недостаток на некоторых ответственных участках

⁸⁸ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2845. Д. 227. Л. 13, 14.

⁸⁹ ЦАМО РФ. Ф. 288 гв. сп. Оп. 47024 с. Д. 4. Л. 11.

главной полосы минеры в одну лунку ставили сразу две мины или мину усиливали крупнокалиберным снарядом, чтобы при подрыве силу ударной волны увеличить в два-три раза. Но из-за нехватки средств так минировались лишь незначительные участки, и только главной полосы. Поэтому командование Воронежского фронта уже 7 июня 1943 г. потребует от войск бездвигательные немецкие танки обязательно расстреливать до их воспламенения. Однако немецкие танкисты осознавали эту опасность, и в первые дни «Цитадели» экипажи выведенных из строя машин немедленно выбрасывали дымовую шашку в район моторного отделения или просто под днище для имитации горения, что первое время вводило в заблуждение артрасчеты. Кстати, под Курском этот прием широко применялся и в советских танковых частях, в том числе и при налете пикирующих бомбардировщиков и истребителей танков.

Вместе с тем перед Курской оборонительной операцией в распоряжение командиров стрелковых полков 6-й гв. А были выделены подвижные отряды заграждений, в задачу которых входило минирование путей и разрушение мостов на направлении движения танковых групп противника. *«Они подчинялись начальнику инженерных войск армии и дивизионным инженерам (дивизионные подвижные отряды заграждения) и взаимодействовали со стрелковыми дивизиями, артиллерийскими, минометными и танковыми частями, – отмечалось в отчете инженерных войск фронта. – Каждому отряду нарезалась своя полоса действия. Командиры инженерных батальонов поддерживали непрерывную связь с войсками»*⁹⁰.

В состав фронтового противотанкового резерва были включены – один батальон инженерного заграждения (биз) и три инженерно-саперных батальона (исб):

1. 209-й биз (3000 птм, 3 автомашины и 10 подвод) находился в селе Орловка и был нацелен на Обоянское направление (полоса 6-й гв. А, затем 1-й ТА);
2. 109-й исб (3500 птм, 500 ппм, 300 кг взрывчатых веществ, 5 автомашин, 10 подвод) базировался на ст. Прохоровка и прикрывал Прохоровское направление (6-я гв. и 69-я А);
3. 47-й исб (4700 птм, 500 ВВ, 3 автомашины и 10 подвод) располагался в г. Короча и должен был действовать на Корочанском направлении (69-я и 7-я гв. А);
4. 105-й исб (2000 птм, 500 ВВ, 5 автомашин и 10 подвод) был сосредоточен в районе ст. Ржава, где занимался оборудованием КП Воронежского фронта и находился в готовности усилить другие батальоны или действовать на иных (непредусмотренных) направлениях⁹¹.

Важное место в системе всех армейских полос занимали эскарпы и противотанковые рвы. По мнению советской стороны, при их правильном расположении и качественной подготовке они могли сыграть очень существенную роль в сдерживании наступления. ПТ-рвы готовились двух видов: легкого типа, для перекрытия пути движения легких танков и бронетранспортеров, и нормальные – против средних и тяжелых боевых машин. Различались они по глубине и ширине, но в любом случае они должны были быть не уже 6 метров. Как правило, при постройке их стремились соединить с естественными препятствиями – глубокими балками, оврагами, заболоченными отрогами, тем самым создать на танкоопасном участке сплошное препятствие и не дать возможности наступающим обойти его с фланга. Подходы к рвам обязательно минировались и держались под огнем как стрелкового, так и артиллерийского вооружения. Примером удачного размещения такого препятствия может служить ров в полосе 67-й гв. сд южнее села Черкасское. Благодаря тому, что он был соединен с заболоченным отрогом балки, а подходы к нему хорошо просматривались и простреливались артиллерией, 5 июля 1943 г. ударной группировке 48-го тк удастся его форсировать с большой задержкой по времени (лишь во второй половине дня) и с существенными потерями. Были и неудачные случаи расположения и неполной готовности рвов на важных участках, в том числе и в системе обороны главной полосы 6-й гв. А. Например, к началу Курской битвы не полностью были дове-

⁹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2845. Д. 227. Л. 19.

⁹¹ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2845. Д. 227. Л. 19.

дены до требуемой глубины ПТ-рвы перед фронтом 52-й гв. сд. На стыках 151-го гв. и 155-го гв. сп они оказались мелкими и вполне проходимыми для тяжелых танков, поэтому утром 5 июля 1943 г., несмотря на сильный огонь артиллерии, боевые группы мд СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» довольно быстро преодолеют их.

Проведение фортификационных работ в полосе Воронежского фронта потребовало не только высокого напряжения сил войск и местного населения, но и жесткого, постоянного контроля за их ведением со стороны командного состава всех степеней. Н.Ф. Ватутин старался как можно быстрее и качественнее подготовить фронт до того момента, как противник перейдет в наступление, поэтому тоже принимал самое активное участие в этом деле. Он не только направлял многочисленные контрольные комиссии, которые вместе с командованием соединений проверяли и ход работ, и качество уже возведенных объектов, но и сам выезжал в войска, лично следил за подготовкой рубежей, не раз накладывал взыскания на нерадивых старших офицеров и генералов. Выявленные недочеты обсуждались на совещаниях командиров, составлялись акты, в которых указывались конкретные сроки их устранения, и в дальнейшем комиссии вновь обязательно возвращались к этим проблемам и проверяли, как они решены.

Тем не менее надо признать, что, как бы лестно в своих мемуарах командармы ни отзывались потом о своих войсках, а значит, и о себе, за тяжелый самоотверженный труд, к этому важному и ответственному делу весной 1943 г. в каждой армии относились далеко не одинаково ответственно. В одной командующий дневал и ночевал на передовой, стремясь выполнить намеченный план, в другой командарм о своих обязанностях забывал, и ему приходилось по несколько раз напоминать даже из Москвы. Для наглядности приведу один интересный документ – письмо начальника главного оперативного управления Генерального штаба генерал-полковника А.И. Антонова начальнику штаба Воронежского фронта от 1 мая 1943 г.:

«Проверкой выполнения директивы Ставки и фронта офицерами Генерального штаба Красной Армии в частях 40-й А установлено:

а) Оборонительные работы по созданию прочной обороны, особенно противотанковой, проводятся медленно и неудовлетворительно, без должного контроля со стороны командования и штабов.

б) Передний край обороны в ряде мест в тактическом отношении выбран неудачно, не имеет ни обзора, ни обстрела.

в) Опорные пункты и узлы сопротивления к круговой обороне не приспособлены.

г) Стыки обеспечены слабо.

д) Резервы противотанковых средств не выделены, а все средства равномерно рассредоточены по фронту.

е) Бдительность и боевая готовность в частях и подразделениях на низком уровне.

ж) Гражданское население продолжает жить до сих пор даже на переднем крае обороны, производя обработку своих огородов.

з) В бытовом обслуживании бойцов выявлен целый ряд нетерпимых явлений (белье не меняется месяцами, ходят в зимнем обмундировании, питание организовано неудовлетворительно и т. п.).

Перечисленные недочеты тов. Москаленко известны из неоднократных письменных докладов офицеров, но, видимо, надлежащих мер к их устранению не принимается.

Доложите к 5 мая, какие конкретные меры приняты командованием фронта к устранению недочетов к частям 40-й А»⁹².

Чуть позже в этой армии был выявлен и еще более вопиющий случай бездействия и очковтирательства дивизионного инженера 100-й сд, военинженера 1-го ранга⁹³ С.К. Камарзаева,

⁹² Русский архив. Великая Отечественная война. № 23(12(3)). М., ТЕРРА, 1999. С. 128.

⁹³ Соответствовало званию подполковник.

которые привели к существенному подрыву системы обороны целого соединения. Из приказа начальника инженерных войск фронта генерал-майора Бордзиловского от 22 июня 1943 г.:

«1. Камарзаев систематически вводил в заблуждение командование 100-й сд и начальника инженерных войск 40-й А, указывая в донесениях завышенное количество установленных мин, показывая на отчетных схемах несуществующие минные поля, увеличивая количество рядов мин в минных полях, показывая противопехотные минные поля как противотанковые. На переднем крае 100-й сд он показал сплошную линию минных полей в несколько рядов мин, когда имелись фактические промежутки между минными полями, на отдельных участках до 800–900 метров и меньшая плотность.

...3. Ни одного документа, который должен был отработать дивизионный инженер по планированию инженерного обеспечения боя дивизии, Камарзаев не составлял и командиров дивизии на утверждение не представлял. Все инженерные работы в дивизии велись беспланоно и бессистемно. Саперы использовались в ряде случаев неправильно.

4. В полках Камарзаев бывал редко, по 2–3 раза за месяц, работой полковых инженеров фактически не руководил и их не контролировал. Боевой подготовкой и правильным использованием дивизионного саперного батальона не занимался»⁹⁴.

Причем, как выяснило следствие, в штаб инженерных войск 40-й А поступал из дивизии сигнал об этих безобразиях, но его не рассматривали по существу и отправили в корзину. Перечисленные (и другие) действия С.К. Камарзаева были расценены военным трибуналом как тяжкое воинское преступление, и 14 июня 1943 г. он был приговорен к высшей мере наказания.

К началу июня система обороны фронта не только получила очертания, но и наполнилась внутренним содержанием (минными полями, траншеями, рвами, ДОТах и т. д.), но напряженная работа продолжалась, т. к. в полном объеме план не выполнила ни одна армия, в том числе и 6-я гв. А. Однако в конце мая произошло одно очень неприятное событие, которое и помогло советскому командованию вскрыть многие не замеченные ранее проблемы и в то же время негативно повлияло на сроки и темпы строительства даже на главной армейской полосе. Немецкая разведка проводила широкомасштабный сбор информации о замысле русских. Для этого было организовано круглосуточное наблюдение за передним краем, вела работу авиация, периодически захватывались контрольные пленные. Судя по советским документам, весной немецкая войсковая разведка довольно успешно предпринимала нападения на БО дивизий первого эшелона. Кроме того, в тыл войск Воронежского фронта систематически забрасывались на парашютах разведгруппы из военнослужащих, попавших в плен зимой и весной 1943 г., как якобы возвращающиеся в свою дивизию. Один из таких случаев был выявлен в 51-й гв. сд 6-й гв. А. Но наиболее эффективной для изучения системы обороны оказалась воздушная разведка. Самолеты 4-го ВФ систематически фотографировали местность, где развернулись армии первого эшелона фронта. Вся собранная информация ложилась на стол Г. Гота, а затем отправлялась в штаб ГА «Юг». Сравнивая полученные фотографии с прежними, недельной или двухнедельной давности, руководство 4-й ТА без труда могло видеть, как быстро укрепляют свои рубежи русские перед ее фронтом. Поэтому для германского командования намерение советской стороны встретить наступление с прочной обороной уже в мае не было секретом. Поэтому одной из главных целей немецкой разведки в это время стало вскрытие системы огня: точное определение места огневых точек на участках, намеченных для прорыва, выявление основных, запасных и ложных позиций артиллерии. Надо сказать, и абвер, и служба наблюдения в войсках в этом заметно преуспели. В конце мая над позициями 6-й гв. А был сбит самолет-корректировщик и одновременно ближний разведчик «Хеншель-126», а летчик взят в плен; у него оказалась карта переднего края 67-й гв., 52-й гв. и 375-й сд. И когда в штабе Воронежского фронта данные с нее перенесли на схему обороны этих дивизий и района сосредото-

⁹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 69. Оп. 1211. Д. 1288. Л. 16.

чения главных сил 6-й гв. А, то оказалось, что противник очень много знает о степени укреплённости рубежей гвардейцев. В некоторых местах боевые позиции и огневые точки, особенно артиллерии и танков, будто были скопированы с реальной советской карты. В частности, все места расположения аппарелей⁹⁵ 245-го отп, приданного 67-й гв. сд, были вскрыты.

Понимая, чем это грозит, руководство фронта немедленно отдало распоряжение армиям разработать план по нейтрализации этой информации. Причем не только той, что была на карте, но и, возможно, имеющейся у немцев по другим армиям первого эшелона. Войска должны были оборудовать сотни новых ОП, ходов сообщений, траншей, т. е. дополнительно перелопатить тонны земли. Из распоряжения начальника штаба 38-й А генерал-майора А.П. Пилипенко:

«Командирам 240, 180, 167, 340, 232, 240 сд, 180 и 192 отбр Зам. командующего по БТ и МВ

Командующему артиллерии

28 мая у офицера сбитого самолета-разведчика противника изъята карта, на которой показаны выявленная противником группировка наших танков, огневые позиции артиллерии и различные инженерные сооружения. Это еще раз указывает на плохую маскировку ОП артиллерии и танков. Командарм приказал:

К 5 июля 1943 года сменить огневые позиции артиллерии.

На прежних позициях артиллерии выставить макеты орудий в том же количестве. Оборудовать ложные места сосредоточения танков, поставить макеты танков. Среди макетов иметь несколько действующих танков.

Во время полетов самолетов противника над ложными ОП артиллерии имитировать артиллерийский огонь, а в ложных местах сосредоточения танков-макетов – показывать движение танков.

Смену огневых позиций артиллерии, танков производить только ночью. Принять все меры к тщательной маскировке артиллерии и танков.

Начальнику авиаотдела штаба 5.6.43 г. произвести облет боевых порядков соединений на самолете У-2 с целью проверить выполнение моих указаний»⁹⁶.

Как покажут дальнейшие события, происшествие со сбитым Хе-126, несмотря на то что принесло войскам много новых проблем и забот, имело большое положительное влияние на совершенствование системы обороны 6-й гв. А, и особенно 67-й гв. сд.

Большая и, особо подчеркну, успешная работа по маскировке своих объектов в это время велась не только общевойсковыми, но и 2-й ВА Воронежского фронта. Авиаторы надежно замаскировали сеть своих аэродромов. Для этого ее штабом была тщательно разработана целая система мер, в которой наиболее эффективным оказался прием с ложными аэродромами, на которых вместе с макетами и группой бойцов была оставлена лишь небольшая часть боевых самолетов (1–2 звена). При появлении немецких самолетов-разведчиков макеты периодически перемещались по аэродрому, а боевые самолеты немедленно взлетали и отпугивали пришельца, но сбивать не стремились. Немцы клевали на эту приманку (принимая ложные аэродромы за действующие), нанося периодически бомбовые удары по ним. Вот цитата из письма начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза А.М. Василевского командующим войск фронтов, военных округов, отдельных армий и ВВС Красной Армии от 30 июня 1943 года: *«Данные радиоперехвата самолетов-разведчиков противника и практика последних налетов авиации показывают, что важнейшие наши объекты легко распознаются противником и подвергаются затем эффективному бомбометанию. Там, где вопросам маскировки уделяется должное внимание, налеты авиации противника наносят значительно меньший*

⁹⁵ Земляное укрытие для танка.

⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 375. Оп. 9027. Д. 45. Л. 282.

ущерб. Так, на Воронежском фронте благодаря умелому выбору и оборудованию ложных аэродромов в системе аэродромов и хорошей маскировке действующих авиация противника из 25 последних налетов на аэроузлы произвела только три налета на истинные аэродромы, остальные удары нанесены по ложным аэродромам.

Военным советам фронтов необходимо немедленно серьезно заняться вопросами маскировки сосредоточений и передвижений войск, складов боеприпасов, горючего и др., железнодорожных мостов, аэродромов базирования авиации, широко используя методы дезориентирования противника (применение разного рода макетов-сооружений и боевой техники, ложных пожаров, ложного зенитного огня, задымления и т. д.)»⁹⁷.

К началу Курской оборонительной операции в первом эшелоне фронта находились четыре общевойсковые армии, к началу боев по начертанию переднего края они имели следующую протяженность линии обороны:

38-я А занимала участок 75 км (на 5 июня), в ее составе находились: 6 стрелковых дивизий, одна стрелковая бригада и сводные бригады учебных батальонов;

40-я А: 52 км, располагала 7 дивизиями;

6-я гв. А, по начертанию переднего края 66 км, по прямой линии – 58 км, всего в наличии – 7 сд (в первом эшелоне четыре – 71-я гв., 67-я гв., 52-я гв. сд и 375-я сд), 27-я и 28-я иптабр, 230-й и 245-й отп НПП;

7-я гв. А: 53 км, всего 7 сд, 30-я иптабр, 262-й отп.

6-я гв. А располагала двумя корпусами – 22-й гв. и 23-й гв. ск. 23-й гвардейский, которым командовал генерал-майор Павел Прокопьевич Вахрамеев, был развернут на главном танкоопасном направлении и армии, и фронта в целом. Поэтому на его системе обороны остановлюсь более подробно. Корпус удерживал район Обоянского шоссе и занимал полосу: лог Лапин, южная окраина Задельного, выс. 220.5, Березов, Гремучий, Ерик, выс. 211.6, выс. 190.5, Черная Поляна, которая имела общую протяженность по фронту 31 км. Его левый фланг примыкал к правому 25-го гв. ск 7-й гв. А, т. е. разграничительная линия этих корпусов являлась границей полос армий Чистякова и Шумилова, а к его правому флангу примыкало левое крыло 22-го гв. ск. Соединение в своем составе имело три дивизии – 51-ю гв., 52-ю гв. и 375-ю сд, которые располагались в два эшелона, т. е. оборонялись на двух армейских полосах. В первом эшелоне находились 52-я гв. сд полковника И.М. Некрасова, удерживавшая рубеж лог Лапин, южная окраина Задельного, выс. 220.5, Березов, Гремучий, в 14 км по фронту, и 375-я сд полковника П.Д. Говоруненко, ее полоса: Ерик, Шопино, выс. 211.6, выс. 190.5, Черная Поляна, имела протяженность 17 км; а во втором – 51-я гв. сд, она оборонялась по линии: Солонец, выс. 243.2, южная окраина Нечаевки, /иск./ Волобуевка⁹⁸. Все три дивизии имели полный состав частей и подразделений, но неполную штатную численность. Тем не менее все они получили полосы шире, чем это предусматривал БУП-42, поэтому были вынуждены строить свой боевой порядок в один эшелон.

Оборона войск Вахрамеева строилась прежде всего как противотанковая и на всю глубину. К началу июля его войска оборудовали 13 ПТОПов, в том числе 10 – на главной полосе, в которых находились: 122 76-мм орудия, 83 45-мм ПТО, 290 ПТР и 34 танка⁹⁹. Бронетехнику планировалось использовать для усиления огня ПТОПов лишь 375-й сд, в них были включены танки 96-й отбр. Это была одна из отличительных особенностей системы обороны соединения Говоруненко от соседей. Для усиления дивизий первого эшелона с началом операции командование армии планировало выделить из своего состава подвижный и противотанковый резервы, а также весной выделило общевойсковой, за счет передачи им двух стрелковых батальонов из

⁹⁷ Русский архив. Великая Отечественная война. № 23 (12(3)). М., ТЕРРА, 1999. С. 191.

⁹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 872. Оп. 1. Д. 27. Л. 14.

⁹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 478. Оп. 21416. Д. 23. Л. 2.

51-й гв. сд. Подвижные отряды заграждения дивизии состояли из 1–2 взводов минеров с 150–200 ПТМ и 100–150 кг взрывчатки, а их стрелковых полков – из 1–2 отделений. Кроме того, в полосу корпуса Вахромеева в мае были выдвинуты артиллерийские группы поддержки пехоты и дальнего действия, а также подвижные отряды заграждения минеров, сформированные из частей фронта. Наличие средств усиления в дивизиях 23-го гв. ск приведено в **таблице № 5**.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.